

Z $\frac{60}{22}$

о/б

Гр. А. А. Бобринской.

ОРНАМЕНТЪ

Горныхъ Таджиковъ Дарваза

(НАГОРНАЯ БУХАРА).

5 цвѣтныхъ и 15 черныхъ фототипій раб. фот. Павлова.

МОСКВА.

Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К^о, Пименовская улица, собственный домъ.
1900.

I.

Издавая настоящее собрание орнаментовъ горныхъ таджиковъ ¹⁾, составленное въ 1898 году въ юго-восточной нагорной части Бухарскихъ владѣній, въ Сѣверномъ Дарвазѣ ²⁾, мы предварительно позволяемъ себѣ сообщить нѣсколько краткихъ свѣдѣній о странѣ и людяхъ, среди которыхъ собиралась эта коллекція.

Горный край, Сѣверный Дарвазъ, лежащій по правому берегу Пянджа, составляетъ западный склонъ Памирскаго плоскогорья. Онъ изрѣзанъ глубокими долинами рѣкъ: Хингоба, Ванча, Язгуляна и Пянджа. Два высокихъ хребта, Дарвазскій и Ванчскій, служатъ водораздѣлами между долинами этихъ рѣкъ; первый — между Хингобомъ съ одной стороны и Пянджемъ съ Ванчемъ съ другой, второй — между параллельными долинами рѣкъ: Ванча и Язгуляна (притоковъ Пянджа). Къ этимъ двумъ хребтамъ слѣдуетъ присоединить еще третій хребетъ, Петра I, составляющій сѣверную границу Дарваза и отдѣляющій долину Хингоба отъ каратегинской долины Сурхоба. Всѣ три хребта, соединяясь въ одинъ узелъ въ верховьяхъ Ванча, сливаются съ Памирами. Въ западномъ Дарвазѣ, составляя его границу, Дарвазскій хребетъ понижается, сначала переходитъ въ плоскогорье, а затѣмъ дробится на мелкіе хребты, раздѣляющіе отлогія и широкія долины рѣкъ: Яхсу, Кизиль-Су-Кичикъ и др. и, наконецъ, въ бекствѣ Кулябскомъ къ берегамъ рѣки Кизиль-Су сходитъ на нѣтъ, превращаясь въ наносные холмы и бугры. Границами Дарваза служатъ: съ сѣвера — Каратегинъ, по долинѣ Сурхоба, съ востока — Памирское плоскогорье, съ юга — рѣка Пянджъ, съ лежащими по лѣвую сторону ея Южнымъ Дарвазомъ ³⁾ и Бадакшаномъ, съ запада — Бухарскія владѣнія, расположенныя въ низменности, предѣлы которой на сѣверѣ — Гиссарскій хребетъ, на югѣ — Аму-Дарья.

¹⁾ О значеніи слова „таджикъ“: „Mémoires sur l'ethnographie de la Perse“, par N Khanikoff, 1866.

„The Races of Afghanistan“, by H. W. Bellew Calcutta, 1880. 109 стр., гл. XII.

„A journey to the Source of the river Oxus“, by John Wood. 1872. 191 по 194 стр., гл. XIX.

„Les Aryens au nord et au sud de l'Hindou-kouch“, par C. Ujfalvy, ed. Masson, 1896.

„Сравнительный словарь турецко-татарскихъ нарѣчій“, Л. Будаговъ, т. I, стр. 330.

²⁾ По долинамъ рѣкъ: Хингоба, Ванча и Пянджа.

³⁾ Въ 1895 году, по соглашенію съ Англіей, эта часть Дарваза отошла отъ Бухары къ Авганистану.

Каратегинъ тянется вдоль Сурхоба въ видѣ длиннаго коридора, захватывая нѣсколько боковыхъ долинокъ и ущелій. Своею удобопроезжимой долиной онъ связываетъ юго-восточную Бухару съ высокою долиною Алая и со всѣми ея перевалами, ведущими въ южную Фергану. Каратегинъ изстари служилъ караваннымъ путемъ¹⁾, соединявшимъ Иранъ и вообще всю юго-западную Азію съ Кашгаріею и Китаемъ.

Та часть Каратегина, которую намъ пришлось посѣтить, представляетъ изъ себя благодатный, живописный край съ умѣреннымъ климатомъ. Хлѣбъ родится съ избыткомъ, давая тѣмъ возможность жителямъ часть его сбывать своимъ бѣднымъ сосѣдямъ, горцамъ съ Ягноба, изъ Мачи и Дарваза. Въ краѣ разводится шелковица, мѣстами хлопчатникъ, овощи и фрукты въ изобиліи. Всѣ эти благопріятныя условія жизни счастливо отразились на жителяхъ, которые намъ показались развитѣе, культурнѣе и болѣе общительнаго и веселаго нрава, чѣмъ ихъ угрюмые и болѣе дикіе сородичи, горцы Дарваза и въ особенности Зеравшана. Дарвазцы, долиною Хингоба и нѣсколькими трудными перевалами черезъ хребетъ Петра I, поддерживаютъ постоянныя сношенія съ Каратегиномъ, какъ для закупки хлѣба и другихъ припасовъ, такъ и для прохода въ Фергану на заработки.

Памиры представляютъ изъ себя высокое (не менѣе 11000 футовъ) плоскогорье съ суровымъ климатомъ, лишенное всякой растительности, за исключеніемъ небольшихъ пространствъ вдоль нѣкоторыхъ рѣчекъ и озеръ, покрытыхъ тощею травой. Несмотря на столь неблагопріятныя условія, по ихъ песчанымъ долинамъ кочуютъ около 200 кибитокъ кара-киргизовъ, бывшихъ китайскихъ подданныхъ. По южному краю Памировъ пролегаетъ второй старинный караванный путь²⁾, соединяющій юго-западную Азію съ Кашгаріею и Китаемъ. Этимъ путемъ, между прочимъ, прошелъ Марко-Поло.

По юго-западному склону Памировъ, вдоль рѣкъ: Ваханъ-Дарья и Пянджъ, пріютились три бѣдныхъ иранскихъ общества: ваханцевъ, шугнанцевъ и рошанцевъ, еще недавно управлявшихся своими эмирами, теперь же подчиненныхъ: первое — Авганистану, два послѣднія — Бухарѣ. Хотя страна ихъ и расположена въ центрѣ недоступныхъ горъ, на границахъ дикаго плоскогорья, но все же обитатели ея жили не вполне оторванными отъ остальнаго человѣчества и поддерживали сношенія съ своими сосѣдями, памирскими кара-киргизами и съ горцами Дарваза и Бадакшана.

Ваханцы, живя у сѣвернаго подножія Гиндукуша, занимая пути, ведущіе на перевалы въ Индію, служатъ связующимъ звеномъ между горцами южнаго Туркестана и Сѣверной Индіи. По ихъ обездоленной странѣ, т.-е. по долинѣ рѣки Ваханъ-Дарья,

1) Минаевъ. „По верховьямъ Аму-Дарьи“. С.-Петербург. 1874 г., стр. 56. Dutreuil de Rhins. „Mission scientifique dans la haute Asie“, deuxieme partie. „Le Turkestan et le Tibet“, стр. 17, 18 и 19 примѣчанія.

2) „The book of Marco-Polo“, transl. and. ed. by H. Jule. in two vol. 1871, т. I, глав. XXXII, стр. 162 и примѣч. „The Pamirs and the Source of the Oxus“ by George Curzon, revised and reprinted from the Geographical Journal. „The Imperial and Asiatic Quarterly Review“ Jul. 1899. Intercourse in the past between China and foreign countries by Bullock, стр. 98.

пролегалъ только - что упомянутый второй южный караванный путь, соединявшій Балхъ съ Кашгаріею. Во время оно этотъ путь, вѣроятно, кормилъ всю страну; теперь же, когда онъ заброшенъ, ваханцы сильно бѣдствуютъ и питаются, главнымъ образомъ, отхожимъ промысломъ, уходя на заработки въ Бадакшанъ и въ сѣверную горную Индію.

За новой границей Дарваза, т.-е. за Пянджемъ, по его лѣвому берегу, расположенъ Южный Дарвазъ, по отзывамъ горцевъ сравнительно не бѣдный, многолюдный край. Жители въ отчаяніи, что ихъ отдали авганцамъ и въ настоящее время толпами покидаютъ свою родину и переселяются въ предѣлы бухарскихъ владѣній.

За Южнымъ Дарвазомъ непосредственно расположенъ горный край Бадакшанъ¹⁾, часто упоминаемый въ исторіи Средней Азіи, благодаря своему важному положенію въ преддверьяхъ всѣхъ большихъ горныхъ тропъ, соединяющихъ Среднюю Азію съ Сѣверо-западною Индіей и съ за-Памирскими краями. Бадакшанъ искони служилъ однимъ изъ посредниковъ въ торговыхъ и политическихъ сношеніяхъ странъ, расположенныхъ по обоимъ склонамъ Гиндукуша; онъ же способствовалъ объединенію культуръ сосѣднихъ горцевъ Сѣверо-западной Индіи и Средней Азіи. Съ паденіемъ древнихъ центровъ культуры и торговли въ Азіи, съ измѣнившимися условіями жизни, старинные караванные пути потеряли всякое значеніе, а съ ними вмѣстѣ и Бадакшанъ. Въ семидесятыхъ годахъ, по наущенію Англій, Бадакшанъ со своимъ таджикскимъ населеніемъ былъ присоединенъ эмиромъ Ширъ-Али къ Авганистану. Благодаря сосѣдству и общей границѣ, Дарвазъ поддерживалъ съ Бадакшаномъ постоянныя сношенія.

Вдоль западной границы Дарваза отъ Пянджа до Каратегина, частью по предгорьямъ, частью въ низменности, расположены бухарскія бекства Куляба и Бальжуана²⁾, которыя составляли встарину крайнюю юго-восточную часть Трансоксаніи. Этотъ богатый плодородный край заселенъ крайне смѣшаннымъ народонаселеніемъ: въ предгорьяхъ и городахъ живутъ осѣдлые таджико-узбеки, въ низменности — кочевыя племена монголо-тюрокъ всевозможныхъ названій, на лѣто перекочевывающія на нагорные луга западнаго Дарваза; далѣе же, по берегамъ Аму-Дарьи³⁾ до Вахша, тянутся селенія полуосѣдлаго племени Катаганъ, вполне оправдывающаго свое названіе (Катаганъ—по-тюркски „смѣшанный“). Болѣе смѣшанной расы трудно себѣ представить.

За исключеніемъ осѣдлыхъ таджико-узбековъ, остальное населеніе заняло эту низменность недавно. Большинство киргизовъ бѣжало сюда изъ Ферганы въ 70-хъ годахъ, не пожелавъ подчиняться русской власти. Полуосѣдлое племя Катаганъ не-

¹⁾ Wood. глав. XVI до XIX. „Mémoires de Baber“, trad. par Pavet de Courteille deux vol., 1871, нѣсколько свѣдѣній о Бадакшанѣ въ первомъ томѣ. О Читралѣ и его сношеніяхъ съ сосѣднимъ Бадакшаномъ: „The making of a frontier“, by col. A. Durand. Murray 1899, гл. II, III и VI.

²⁾ Этотъ край у Бабера упоминается подъ названіемъ „Хоталанъ“. Baber, перв. т., стр. 18, 70, 71, 264.

³⁾ Прибрежные жители тюрки называютъ Аму-Дарью „Амин-Дарія“, „Катта-Дарья“, что значитъ—большая рѣка.

много ранѣе переправилось на Бухарскій берегъ Аму-Дарьи, укрываясь отъ авганскихъ жестокостей. Въ главныхъ городахъ этой мѣстности, Кулябѣ и Бальжуанѣ, процвѣтаетъ серебряное дѣло, ткуются бумажныя и шелковыя матеріи, выдѣлывается мѣдная, глиняная и деревянная посуда. Кочевники валяютъ войлоки, ткуютъ ковры, паласы, гилямы¹⁾; они же владѣютъ большими табунами лошадей и стадами овецъ.

Сообщенія Дарваза съ этимъ краемъ легки, удобны и, велѣдствіе этого, постоянны.

Главный путь, связывающій Дарвазъ съ низменностью, пролегаетъ широкою пологою долиною рѣки Яхсу, промывшей себѣ ложе въ большихъ наносахъ разрушенныхъ горныхъ породъ. У ея истоковъ, на границѣ Дарваза, находится невысокій, мягкій переваль, отъ котораго идутъ горныя тропы въ долину Хингоба и въ ущелье Пянджа, къ единственному городу края, къ его столицѣ Калай-Хумъ. Въ былое время заселеніе горъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, произошло именно этимъ путемъ, долиною Яхсу. Теперь же имъ пользуются многочисленныя дарвазцы, снабжающіе себя хлѣбомъ и предметами первой необходимости въ Кулябѣ и Бальжуанѣ, а также кочевники, въ лѣтнее время перегоняющіе свои стада и табуны съ выгорѣвшей низменности на болѣе высокія нагорныя пастбища Дарваза.

Покончивъ съ бѣглымъ обзоромъ границъ, заглянемъ на нѣсколько минутъ черезъ высокія снѣговыя горы Дарваза въ его глубокія ущелья.

Вся жизнь края сосредоточивается въ долинахъ четырехъ главныхъ рѣкъ и нѣкоторыхъ изъ ихъ притоковъ. За исключеніемъ подножія нѣкоторыхъ склоновъ, покрытыхъ мелкою зарослью вдоль горныхъ потоковъ, крутые скаты высокыхъ хребтовъ голы, лѣсовъ нѣтъ. Только въ долинахъ, и то не сплошь, а въ видѣ острововъ, вокругъ кишлаковъ²⁾, зеленѣютъ поля и рощи фруктовыхъ и другихъ деревьевъ. Выше въ горахъ, въ сѣдловинахъ и ложбинахъ, у истоковъ рѣкъ, вдоль ручейковъ и по плоскогорью западной границы, растетъ трава, служащая въ продолженіе 3—4-хъ лѣтнихъ мѣсяцевъ приманкою кочевникамъ-тюрмамъ съ Бухарской низменности.

Пути сообщенія—горныя тропы—почти повсемѣстно проходимы верхомъ³⁾. Перевалы между долинами, за небольшими исключеніями, въ западномъ Дарвазѣ очень высоки⁴⁾ и трудно переходимы. Черезъ большинство изъ нихъ приходится переваливать по снѣгу или ледникамъ. Каждый переваль, благодаря только ему свойственнымъ условіямъ, бываетъ открытъ въ различныя времена года: одинъ зимою, другой лѣтомъ, весною или осенью. Во все время зимы, которая, смотря по высотѣ мѣстности, продолжается отъ 4 до 6 и 7 мѣсяцевъ, сообщенія, конечно, еще болѣе ухудшаются, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и совершенно прекращаются.

1) Родъ мѣстныхъ паласовъ.

2) По-тюркски зимовка. Въ Туркестанѣ всякое селеніе называется этимъ именемъ.

3) Колесный способъ передвиженія въ горахъ неизвѣстенъ; въ деревняхъ, для перевозки хлѣба съ полей на гумна, употребляютъ сани, сильно напоминающія наши дровни, но нѣсколько шире ихъ.

4) Нѣкоторые изъ нихъ поднимаются выше 15000 футовъ.

Для путешественника главная прелесть Дарваза заключается въ постоянныхъ противоположностяхъ обстановокъ: съ одной стороны мирная, идиллическая жизнь кишлаковъ, съ другой—величественная, подчасъ грозная, природа горъ.

На высяхъ, среди бѣло-синяго простора снѣговыхъ горъ и ледниковъ, среди величаваго покоя и безпримѣрной тиши, подчеркиваемой изрѣдка глухимъ гуломъ обвала, съ синей бездной надъ вами, въ сіяніи яркомъ жгучаго солнца, омываемые лучами, отраженными отъ дѣвственной бѣлизны снѣговъ и льдовъ, вы присутствуете при торжествѣ всего прекраснаго, вы испытываете высшее наслажденіе, доступное человѣку: всѣ ваши чувства удовлетворены. Вамъ кажется, что вы въ состояніи постичь всѣ тайны природы, безконечность всего мірового, вѣчный покой, Нирвану. Но недолго длится это чудное видѣніе; вѣчная борьба двухъ началъ, свѣта и мрака, Ахурамазды и Аримана, даетъ быстро о себѣ знать. Незамѣтно заволакивается этотъ просвѣтъ въ безконечность дикимъ хаосомъ разбушевавшихся стихій. Въ облакахъ и метели, среди грохота грозы и рева бури, спускаетесь вы узкою тропою по сыпучимъ склонамъ зловѣщихъ осыпей, осторожно перебираетесь по трепещущимъ балконамъ¹⁾ и скользкимъ карнизамъ²⁾, съ трудомъ достигаете dna темнаго ущелья, переправляетесь черезъ бѣшеный потокъ, съ глухимъ гуломъ влекущій по дну большіе камни и звонко разбивающій свои волны о прибрежныя скалы. Оглушенные общимъ стономъ дикаго разгула силъ природы, наконецъ выбираетесь вы изъ мрачнаго ущелья въ обитаемую долину. Утомленные дорогой и сильными ощущеніями, достигаете тихой пристани—мирнаго, уютно пріютившагося кишлака горныхъ таджиковъ.

Путникъ, цѣлый день пробывшій въ пути, взбираясь и спускаясь на нѣсколько тысячъ футовъ по каменистой крутой тропѣ, подъ палящимъ солнцемъ, въ душной атмосферѣ, среди раскаленныхъ голыхъ скалъ, въ облакахъ пыли, поднимаемыхъ налетающими вихрями,—путникъ этотъ, говорю я, найдетъ полное вознагражденіе за понесенныя невзгоды, когда, поднявшись на послѣднюю вершину, его взорамъ предстанетъ раскинувшійся внизу, у подножія горы, зеленый оазисъ горнаго кишлака, мѣсто предстоящей стоянки, въ прохладной тѣни, на влажной, мягкой травѣ, на берегу холоднаго горнаго ручья.

Особенно живописны горные кишлаки на Пянджѣ, утопающіе въ густой зелени садовъ. Древніе великаны: орѣхъ, платанъ или вездѣсущій тополь возвышаются надъ общей массой зелени, надъ постройками, бѣлѣющими кой-гдѣ сквозь листву, и своими корявыми, узловатыми вѣтвями налагаютъ далеко вокругъ густую черную тѣнь; изумрудный коверъ яркой, свѣжей зелени небольшихъ полей окаймляетъ кишлакъ и его сады. Вездѣ журчатъ, блистая и извиваясь серебряной лентой, ручейки и арыки съ чистою, какъ хрусталь, водою. Вдоль тропокъ, вокругъ полей

¹⁾ Деревянные подмости, вдѣланные въ отвѣсныя скалы и висящіе надъ пропастью или потокомъ. По этимъ подмосткамъ, въ 2, 3 фута ширины, пролегаетъ тропа.

²⁾ Естественные выступы скалы, по которымъ пролегаетъ тропа.

и садовъ, выступаютъ густыя стѣнки кустарниковъ, шиповника, граната, барбариса, осыпанныхъ красными, бѣлыми, желтыми, гранатовыми цвѣтами. Фруктовыя деревья густо облѣплены желтыми абрикосами (урюками), красными вишнями, черными, бѣлыми ягодами тутъ и еще зелеными грушами и яблоками. Отовсюду несется веселое чирикание птичекъ. Прохладный, влажный воздухъ пропитанъ чарующимъ запахомъ полей, цвѣтовъ и деревьевъ. Миръ и покой царитъ кругомъ.

Вы подъѣзжаете къ кишлаку. Передъ вами по тропѣ, между стѣнками шиповника и граната, безшумно выступаютъ женщины, несущія въ классической позѣ на плечахъ большіе глиняные сосуды съ водою. Тутъ же недалеко, вдоль арыка, съ поля плетется осликъ, навьюченный свѣже-нарванной травою; мальчуганъ, идущій рядомъ, погоняетъ его тычками палки въ задъ.

При въѣздѣ въ кишлакъ, подъ тѣнью тутовыхъ деревьевъ, ватага малышей усердно подбираетъ съ земли тутовые ягоды подъ наблюдениемъ двухъ-трехъ взрослыхъ, апатично сидящихъ на корточкахъ, прислонившись къ стволамъ деревьевъ. Сквозь зелень садовъ, на плоскихъ крышахъ домовъ, мелькаютъ черныя тѣни людей, всецѣло поглощенныхъ своимъ занятіемъ, разсыпкою желтыхъ кучъ урюка для просушки. Вдоль узкой улицы, между низкими плетневыми заборами садовъ, пробирается навстрѣчу вамъ, съ охапкою хвороста на спинѣ, что-то шамкая, старая-престарая старуха. Тутъ же на улицѣ рыщутъ или, растянувшись въ пыли, спятъ голодные мохнатые псы, между ними пугливо блеютъ козы и овцы. За невысокой глиняной стѣной, въ садикѣ, подъ деревьями, у весело журчащаго ручейка, нѣсколько женщинъ въ длинныхъ темныхъ рубахахъ и шальварахъ хлопочутъ по хозяйству: одна чиститъ котель, другая промываетъ большія деревянныя чаши, третья разводитъ огонь въ открытомъ очагѣ, маленькая дѣвочка покачиваетъ большую, неуклюжую люльку.

Подвигаясь узкой извилистой улицею, вамъ попадаются группы горцевъ. Одни сидя на корточкахъ, другіе стоя, прислонившись къ стѣнѣ, съ любопытствомъ, исподлобья, разматриваютъ васъ. Лица у большинства европейскія, съ нѣсколько дикимъ выраженіемъ глазъ, загорѣлыя, худыя, съ черными или каштановыми нечесанными бородами; одѣты они въ полосатые бумажные халаты, въ широкихъ бѣлыхъ панталонахъ, одни босые, другіе въ шерстяныхъ чулкахъ и въ мягкихъ кожаныхъ сапогахъ. На головахъ засаленныя, ободранныя тюбетейки. Изъ-за рѣзныхъ дверей домовъ, въ садикахъ изъ-за деревьевъ, пугливо выглядываютъ дѣвушки и женщины, кое-какъ прикрывая свои лица большими головными платками.

Неожиданно улица расширяется, передъ вами деревянный трепещущій мостъ, весь мокрый отъ брызгъ бурлящаго подъ нимъ горнаго потока. Не переѣзжая моста, сворачиваете у самаго берега рѣки на чудную зеленую лужайку, подъ тѣнь развѣсистыхъ чинарѣ. Лужайка, обнесенная полуразвалившеюся каменною стѣной, предназначена для стоянокъ путешественниковъ. Здѣсь вы раскинете палатку и расположитесь на ночлегъ. У разостланныхъ ковровъ, съ разставленнымъ на нихъ до-

старханомъ, ожидаетъ васъ для привѣтствія живописная группа мѣстнаго начальства. Состоитъ она изъ волостного, минъ-баши¹⁾, аксакала²⁾, муллы и мирзы³⁾; всѣ они въ нарядныхъ яркихъ халатахъ, въ большихъ бѣлыхъ чалмахъ. Кругомъ суетится пестрая толпа горцевъ.

Рядомъ съ лужайкой, за оградой, среди рощи тутовыхъ деревьевъ, стоитъ четырехугольное зданіе съ плоской крышей, середина которой немного приподнята въ видѣ небольшого купола. Фасадъ зданія, между двумя выступающими боковыми стѣнами, во всю ширину и высоту занятъ навѣсомъ. Его рѣзныя раскрашенныя балки опираются на 4 деревянные многогранные столба; низъ столбовъ шарообразно выточенъ, съ большимъ перехватомъ у самого подножія. Подъ навѣсомъ терраса приподнята фута на 2, на 3 надъ землею. Общій видъ сильно напоминаетъ древнюю персидскую колоннаду. Въ центрѣ задней стѣны террасы — углубленіе или ниша, надъ нею лубочное изображеніе Каабы, по бокамъ нѣсколько арабскихъ надписей; ниже, въ простѣнкахъ, красные разводы и цвѣточный орнаментъ. Это зданіе, имѣющее очень ветхій и запущенный видъ, изображаетъ изъ себя мечеть.

Мечеть и лужайка для путешественниковъ служатъ населенію горнаго кишлака притягательнымъ центромъ жизни и замѣняютъ ему базары городовъ и большихъ селеній. У мечети, подъ деревьями, окружающими грязный водоемъ для омовенія, съ утра до вечера степенно, важно возсѣдаютъ старики и почетные жители селенія. Здѣсь они передаютъ новости, сплетни, обсуждаютъ свои несложныя дѣла, а то просто молча, въ блаженномъ покоѣ, созерцаютъ окружающую ихъ природу. Иной разъ, собравшись съ силами, благообразный старецъ-мулла передастъ имъ какое-нибудь изъ многочисленныхъ преданій объ Аліѣ, или же расскажетъ сказаніе о чудесной жизни мѣстнаго святого, могила котораго находится въ пещерѣ, въ соседнемъ ущельѣ. Юркій франтоватый мирза не прочь другой разъ почитать имъ Искандеръ-Намэ, книгу, которую можно найти чуть ли не въ каждомъ кишлакѣ, или сообщить отрывки изъ Шахъ-Намэ о Джемшидѣ, Рустэмѣ и о другихъ славныхъ герояхъ древняго Ирана. Но что они болѣе всего любятъ слушать — это рассказы записного рассказчика о славномъ древнемъ Балхѣ, о сердитыхъ Дэвахъ, о райскихъ садахъ Калай-Хума, о подвигахъ караванъ-баши, о богатомъ Китаѣ, о любовныхъ похожденияхъ шахскихъ сыновей и дочерей и о многомъ кой о чемъ другомъ. Захотѣли они посмѣяться — рассказчикъ разсмѣшитъ ихъ юмористическими разсказами, съ наивно-грубыми неприличными сценами, взятыми прямо изъ жизни самихъ горцевъ.

Проста, незатѣйлива жизнь горца, но, не мечтая о другой, не тяготясь своею, принимая жизнь какъ дается, живетъ онъ въ скудости своей обладателемъ высшей мудрости: довольный собою, довольный судьбою, любя всѣмъ сердцемъ свою семью, деревню, свою родину, чудныя горы Дарваза.

1) Тысячникъ.

2) (Буквально — бѣлая борода). Старикъ, староста.

3) Писарь.

Земледѣліе — основа жизни горца, но, несмотря на неослабный трудъ и упорную борьбу сего послѣдняго съ окружающей его природой, оно не окупаетъ потраченныхъ на него силъ. Недостатокъ удобной для обработки земли, небольшое количество скота, суровый климатъ и рѣзкія перемѣны погоды—главныя тому причины. Разнообразіе разводимыхъ растений (горець сѣетъ пшеницу, ячмень, просо, горохъ, бобы, люцерну, на Пянджѣ хлопчатникъ, для масла ленъ, подсолнухъ, клещевину) не избавляетъ дарвазца отъ постоянного недобора продуктовъ первой необходимости. Недостача хлѣба или пополняется покупкою его въ Каратегинѣ и Кулябѣ, или же просто замѣняется мукой изъ тутъ и сушеными фруктами: урюками, яблоками.

Земледѣліе, не обезпечивая жизнь горцевъ, заставило ихъ искать внѣ его другіе, побочные источники пропитанія. Въ Дарвазѣ, за исключеніемъ долины Ванча, они ихъ найти не могли. Распространенный въ горахъ промыселъ промывки золота настолько ничтоженъ по своимъ результатамъ, что въ счетъ идти не можетъ. На Ванчѣ, напротивъ, кустарный способъ добыванія и разработки желѣзной руды настолько окрѣпъ и процвѣтаетъ, что жители долины нашли возможнымъ удовлетворяться доставляемымъ этимъ дѣломъ барышемъ и, не въ примѣръ прочимъ горцамъ, на сторонѣ заработковъ не ищутъ и отхожимъ промысломъ не промышленяютъ. Жители долины Ванча, благодаря, вѣроятно, долгому времени, такъ хорошо приспособились къ своему желѣзному производству, что выдѣлываютъ не только крупныя, грубыя вещи вродѣ лемеховъ, кирокъ и топоровъ, но даже такія мелкія вещи, какъ складные ножи, бритвы и ножницы. Эти желѣзныя издѣлія славятся въ сосѣднихъ горахъ и желающіе вымѣнить ихъ на свои мѣстныя произведенія являются изъ самыхъ разнообразныхъ мѣстностей, принося съ собою для обмѣна: изъ Дарваза, съ долины Пянджа — бумажныя ткани, изъ Бадакшана — легкія шерстяныя полосатыя одѣяла, съ Язгуляна, изъ Шугнана и Рошана — прекрасной работы вязаные шерстяныя чулки и плотныя, прочныя шерстяныя матеріи (часть которыхъ дѣлается изъ шерсти дикихъ козловъ и барановъ).

Главный доходный источникъ и вѣрнѣйшій способъ добыванія куска хлѣба горцы обрѣли въ отхожемъ промыслѣ, широко практикуемомъ молодежью Дарваза. Ходятъ горцы, главнымъ образомъ, въ Фергану, какъ въ ближайшій богатый край, гдѣ всегда могутъ найти работу. Въ Ферганѣ горцы занимаютъ плохо оплачиваемыя должности, требующія физическую силу и выносливость, какъ-то: ночныхъ сторожей, дворниковъ, носильщиковъ и т. п. По истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, а иногда и мѣсяцевъ, ихъ начинаетъ одолѣвать тоска по родинѣ и они бѣгутъ обратно въ горы, унося съ собою скудный заработокъ и кое-какіе подарки, предназначенные семьѣ. Вмѣстѣ съ послѣдними не забываютъ горцы захватывать цѣлый коробъ чудесныхъ рассказовъ о своей жизни на чужбинѣ, о прелестяхъ Кокана и другихъ богатыхъ городовъ низменности.

Въ Дарвазѣ, благодаря бѣдности горцевъ, имъ приходится самимъ производить предметы первой необходимости: одежду, обувь, посуду; поэтому кустарный промы-

сель развитъ повсемѣстно. На Пянджѣ и нижнемъ Ванчѣ изъ своего хлопка, въ остальномъ Дарвазѣ изъ покупного, кулябскаго и каратегинскаго, мужчины ткуть грубую бумажную ткань (мата), употребляемую для мужского и женскаго бѣлья. Изъ шерсти, вымѣниваемой большею частью у кочевниковъ, ткуть грубую матерію для верхняго теплаго платья. Женщины повсемѣстно шьютъ верхнюю и нижнюю одежду изъ матерій, изготовляемыхъ мужчинами. Онѣ же вышиваютъ узоры шелками по матѣ и искусно вяжутъ горные чулки, замѣчательные своимъ разнообразнымъ орнаментомъ. Кромѣ того, во многихъ кишлакахъ, женщины занимаются производствомъ глиняной посуды. Деревянное кустарное производство сосредоточивается въ селеніи Пишхарфѣ, на одномъ изъ мелкихъ притоковъ Пянджа. Жители его выдѣлываютъ изъ гнутыхъ тонкихъ полосъ тала¹⁾ подносы, короба, люльки и тому подобные предметы, покрытые грубымъ рѣзнымъ геометрическимъ орнаментомъ и выкрашенные въ красный и черный цвѣта. Этимъ краткимъ перечнемъ, кажется, исчерпывается весь запасъ кустарныхъ производствъ Дарваза.

Домашняя рухлядь, необходимая въ повседневномъ обиходѣ: котлы, кунганы, мѣдная и деревянная посуда, приобрѣтаются въ Бальжуанѣ и Кулябѣ. Попоны, ковры, войлоки, столь полезные въ холодныхъ, сырыхъ глиняныхъ постройкахъ Дарваза, вымѣниваются у кочевниковъ. Предметы роскоши: женскія украшенія, серебряныя, мѣдныя и каменныя подвѣски, серьги, кольца, браслеты, ожерелья, шелковыя матеріи и платки, шелкъ въ ниткахъ, краски—частью заносятся въ Дарвазъ молодежью, возвращающеюся съ заработковъ изъ большихъ городовъ Ферганы, и заѣзжими ферганскими купцами, частью же покупаются горцами въ Каратегинѣ (шелкъ въ ниткахъ и шелковые платки), въ Кулябѣ и Бальжуанѣ.

Сообщивъ краткія свѣдѣнія о странѣ и объ условіяхъ жизни въ ней, скажемъ теперь нѣсколько словъ о ея жителяхъ.

Дарвазцы, какъ и всѣ окрестные горцы Зеравшана, Каратегина, Рошана, Шугнана, Вахана и Бадакшана, съ гордостью называютъ себя таджиками²⁾. Всѣ перечисленные горцы говорятъ иранскими нарѣчіями съ примѣсью въ различномъ размѣрѣ арабскихъ и тюркскихъ словъ. О своихъ предкахъ дарвазцы передаютъ два интересныхъ преданія: первое гласитъ, что они до принятія мусульманства были огнепоклонниками (атэшъ пэрэстъ), второе—что они пришли въ Дарвазъ съ рѣки Яхсу. Эти два преданія замѣчательны еще тѣмъ удивительнымъ единодушіемъ, съ которымъ они передаются положительно по всему Дарвазу. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что населеніе восточнаго Дарваза указываетъ и путь, которымъ шло заселеніе. Такъ, жители долины Ванча говорятъ: „наши предки пришли сюда съ Хингоба, на Хингобъ переселились съ Яхсу“. Жители долины Пянджа говорятъ: „наши предки заселили правый берегъ, когда лѣвый былъ уже занятъ, пришли сюда съ

¹⁾ Родъ ивы или ветлы.

²⁾ Названія „Гальча“ никто не знаетъ и не понимаетъ.

Вахию (мѣстность по среднему теченію Хингоба), а туда переселились съ Яхсу“. Вообще, по сохранившимся единомудушнымъ преданіямъ дарвазцевъ и отчасти каратегинцевъ, можно предположить, что долина Яхсу играла важную роль въ заселеніи этихъ двухъ горныхъ странъ. Соединяя безпокойную, постоянно тревожимую низменность юго-восточной Трансоксаніи съ трудно доступными, представляющими надежное убѣжище, горами Дарваза, долина Яхсу, широкая, пологая, глубоко врѣзывающаяся въ горы, была назначена какъ бы самой природой служить большой торной дорогою несчастнымъ, обездоленнымъ жителямъ юго-восточной Трансоксаніи, искавшимъ покоя и безопасности въ горныхъ дебряхъ Дарваза. Бѣглецы черезъ широко раскрытую пасть долины Яхсу врывались въ предгорье, останавливались въ долинѣ, но вновь появлявшіеся переселенцы, постоянно гонимые съ низменности всевозможными невзгодами, тѣснили и заставляли ихъ покидать свои мѣста, подниматься дальше въ горы и селиться въ болѣе непригодныхъ, суровыхъ условіяхъ. Причинъ къ подобному движенію было не мало, одно бѣдствіе за другимъ быстро нанизывалось на нить исторіи этихъ изстрадавшихся странъ Средней Азіи.

Когда началось, когда прекратилось это движеніе въ горы—опредѣлить крайне трудно. Вѣроятно, оно появилось въ отдаленнѣйшія времена и продолжалось болѣе или менѣе постоянно, то стихая въ минуты покоя, то увеличиваясь въ минуты болѣе тяжелыхъ испытаній, каковыми, между прочимъ, можно считать 6-й вѣкъ—время усиленнаго наплыва въ Трансоксанію и Бактрію тюрокъ, а также и время появленія въ 7 вѣкѣ арабовъ, съ оружіемъ въ рукахъ насаждавшихъ Исламъ. Слѣдствіями этихъ двухъ важныхъ для Средней Азіи событій было усиленіе племенной борьбы, ломка всего стараго склада жизни иранскихъ земель и возникновеніе религіозной нетерпимости, расколовъ и сектъ. Очень возможно, что и послѣдующія событія, какъ-то: нашествіе Чингиза, грозные походы Тамерлана, соперничество Бухары съ Балхомъ и съ Персіею или постоянное соревнованіе между мелкими туземными владыками Термеза, Вахша, Гиссара, доставляли известное количество бѣглецовъ въ горы.

По поводу заселенія Дарваза слѣдуетъ еще упомянуть о двухъ любопытныхъ фактахъ, намекающихъ, можетъ быть, на время послѣднихъ массовыхъ переселеній въ горы. Съ однимъ изъ нихъ мы познакомились въ долинѣ Яхсу, верховья которой оказались заселенными народностью, выдающею себя за арабовъ, хотя ни наружностью, ни языкомъ это племя не отличается отъ горныхъ таджиковъ. Съ другимъ фактомъ мы встрѣтились на границахъ Каратегина. У двухъ переваловъ, между Сурхобомъ и Хингобомъ и между этимъ послѣднимъ и Кизиль-су-Кичикъ, на перепутьи тропъ, ведущихъ изъ Каратегина и Бальжуана въ долину Хингоба, расположенъ кишлакъ Япучъ. Жители его на вопросъ, какъ ихъ звать, къ нашему удивленію, отвѣтили: „Джагатай“¹⁾. Въ этомъ кишлакѣ единственное, что обратило на себя

¹⁾ Джагатай — имя сына Чингиза, получившаго въ надѣль Туркестанъ. О монгольскомъ племени того же имени смотри: „Истор. Бухары“, Вамбери, т. II, стр. 4. „Introduction à l'histoire de l'Asie. Turcs et Mongols“, L. Cahun. 475 и 476 стр. и примѣчанія. „The Book of Ser Marco-Polo“, transl. by col. H. Jule, т. I, на стр. 143. Глав. XXVII, примѣч.

наше вниманіе, это преобладаніе среди его жителей семитическаго типа. Говорятъ же они иранскимъ нарѣчіемъ остальныхъ горцевъ.

Туземцевъ Дарваза, кажется, нельзя считать представителями чистой расы. По разнообразію типовъ не трудно замѣтить, что въ ихъ составъ, кромѣ главнаго иранскаго элемента, вошли и другіе. Это смѣшанное происхожденіе современнаго горнаго населенія Дарваза не должно насъ удивлять, если примемъ во вниманіе ихъ первобытную родину, перенесшую нашествіе самыхъ разнообразныхъ народовъ и по западной границѣ которой пролегла большая дорога, соединявшая Среднюю Азію съ Индіей. Послѣднія два обстоятельство не могли не отозваться пагубно на чистотѣ расы народовъ, заселявшихъ эти безпокойные края.

Намъ во время поѣздки показалось возможнымъ изъ общей массы разнообразныхъ типовъ выдѣлить пять основныхъ.

Типъ № 1-й—самый распространенный, общій главной массѣ горнаго народонаселенія, въ которой растворяются всѣ остальные типы. Ростъ средній, часто выше, тѣлосложеніе сухое, мускулистое, длинныя, сильныя ноги, но, какъ у всѣхъ горцевъ, съ мало выступающими икрами, небольшія кисти рукъ, продолговатое загорѣлое лицо, носъ съ легкой горбиной, глаза черныя или сѣрыя, волосы часто каштановыя, черныя, иногда рыжіе, рѣдко бѣлокурыя, на лицѣ довольно густая растительность.

Типъ № 2-й—чисто семитическій, распространенъ въ горахъ неравномѣрно. Во многихъ кишлакахъ, въ особенности въ верховьяхъ Хингоба, по Ванчу и отчасти по Пянджу, онъ совершенно отсутствуетъ. Въ однихъ его присутствіе замѣтно въ очень ограниченномъ количествѣ, въ другихъ онъ преобладаетъ. Есть кишлаки въ низовьяхъ Хингоба и въ особенности въ нижнемъ Каратегинѣ, жители которыхъ имѣютъ сплошь еврейскій типъ. Въ Дарвазѣ этотъ типъ вообще рѣже встрѣчается, чѣмъ въ Каратегинѣ и въ Зеравшанскихъ горахъ.

Типъ № 3-й распространенъ довольно равномѣрно по всему Дарвазу. Въ каждомъ селеніи можно встрѣтить отъ трехъ до пяти и шести человекъ чисто европейскаго типа, напоминающихъ бѣлокурымъ типъ нашихъ крестьянъ. Ростъ средній, часто выше, сложеніе широкое, коренастое, на много плотнѣе № 1-го, лицо бѣлое съ красными щеками, загаръ красный, глаза сѣрыя, иногда синіе, волосы бѣлокурыя, усы и борода густыя.

Почти въ каждомъ кишлакѣ Дарваза попадаются два-три человека типа № 4-го. Исключеніе составляютъ низовья Ванча и долины Пянджа, гдѣ горцы этого типа встрѣчаются очень рѣдко. Ростъ средній, часто ниже, сложеніе тяжелое, угловатое, туловище длинное, ноги короткія, лицо мясистое съ такимъ же носомъ, губы толстыя, глаза черныя, цвѣтъ лица очень смуглый, при загарѣ отдаетъ въ черноту, волосы на лицѣ густыя, черныя, жесткіе, иногда слегка вьющіеся. Среди остальныхъ горцевъ они бросаются въ глаза своимъ чернымъ цвѣтомъ лица и волосъ, дикимъ

втор.: Wassaf says that in the year 700 (aft. d. 1300) an invasion of Chaghataian Mongols subjugated all Ghazni, Sistan and Balkh with its dependencies: Shaburgan, Jurgana, Badakhshan, Kishm, Taikan etc.

или тупымъ выраженіемъ глазъ, своею какъ бы забитостью и меньшимъ умственнымъ развитіемъ. Вообще они производятъ впечатлѣніе какихъ-то жалкихъ выродковъ или послѣднихъ представителей вырождающейся расы.

Типъ № 5-й встрѣчается только въ низовьяхъ Ванча и по Пянджу, и то въ очень ограниченномъ количествѣ. Представители этого типа—высокаго роста, стройнаго сложенія, съ правильными чертами блѣдно-матоваго лица, съ красивыми, большими черными глазами, шелковистою черною бородой и усами, съ красивыми, узкими, длинными кистями рукъ, съ естественно-изысканными, полными достоинства манерами.

Въ данное время всѣ горцы магометане, но, насколько мы могли замѣтить, мало ревнивы къ навязанной имъ религіи и къ дѣламъ вѣры относятся равнодушно и безучастно. Официально считаются суннитами, они, какъ намъ показалось, не отдають себѣ вполнѣ яснаго отчета, къ какому изъ двухъ магометанскихъ толковъ они принадлежатъ. Во всякомъ случаѣ, кто бы они ни были, шииты или сунниты, но среди горцевъ самымъ любимымъ героемъ магометанской эпопеи остался Алій¹⁾, о которомъ сохранилось нѣсколько преданій и легендъ.

Сколь мало вообще горцы прониклись магометанскимъ фанатизмомъ, доказываетъ, между прочимъ, тотъ фактъ, что намъ не разъ приходилось слышать изъ ихъ устъ охотно передаваемое, съ извѣстнымъ отбѣнкомъ гордости, преданіе объ огнепоклонствѣ ихъ предковъ. Характерная черта всѣхъ послѣдователей Магомета—не любовь и даже презрѣніе къ собакамъ—въ горахъ не существуютъ; намъ не разъ приходилось встрѣчать собакъ совершенно различныхъ, болѣе или менѣе чистыхъ породъ, что, безспорно, свидѣтельствуеетъ о нѣкоторой заботѣ и уходѣ за ними.

Если горцы не вполнѣ еще усвоили магометанство, то, во всякомъ случаѣ, не забыли основныхъ принциповъ древней религіи иранцевъ—борьбы двухъ началъ. Отрывочныя объ этой борьбѣ воспоминанія сохранились въ дѣтски-простыхъ, поэтическихъ суевѣріяхъ. Жутко становилось слушать рассказы горца о недобрыхъ продѣлкахъ злыхъ шутниковъ-Дэвовъ, отъ которыхъ людямъ въ горахъ положительно некуда бѣжать, такъ какъ весь Дарвазъ кишмя кишитъ этими заклятыми врагами человѣка. Трудную службу несутъ добрыя Пари, духи-хранители человѣка, ограждая его на всѣхъ путяхъ, насколько возможно, отъ безконечныхъ проказъ неутомимыхъ, коварныхъ Дэвовъ. Однажды, выслушавъ подобный рассказъ, на нашъ вопросъ, не находимся ли мы здѣсь, у нихъ въ горахъ, на родинѣ Дэвовъ, они отвѣтили, что хотя Дэвы любятъ горы и въ горахъ постоянно живутъ, но родина ихъ не Дарвазъ, а далекій горный край, находящійся за Ираномъ, на берегу большой воды и называемый Кавказомъ.

Заканчивая краткій очеркъ мѣстности и населенія, среди которыхъ собиралась

¹⁾ Dutreuil de Rhins. Mission scientifique dans la haute Asie, т. III, стр. 7, 8, 9 и 10 преданія объ Аліи и имамахъ, сохранившіяся въ Китайск. Туркестанѣ.

нынѣ издаваемая коллекція, мы хотимъ обратить вниманіе читателя на тотъ громадный интересъ, который представляетъ всестороннее изученіе народа, когда-то вырваннаго изъ обстановки невѣдомой намъ или, во всякомъ случаѣ, мало намъ знакомой культуры и на нѣсколько вѣковъ волею судьбы схороненнаго въ глухомъ углу Средней Азіи, внѣ участія въ общей жизни человѣчества. Предки современнаго населенія Дарваза, покидая въ разныя эпохи родную низменность, должны были каждый разъ уносить съ собою и мѣстную культуру того времени. Въ горахъ, внѣ сутолки историческихъ событій, предоставленные самимъ себѣ, никѣмъ не тревожимые, безъ эволюцій, безъ измѣненія, должны были они до нашихъ дней застыть, сохранивъ отпечатокъ временъ ихъ переселеній, отпечатокъ культуры, разившейся въ странѣ, которая обладала вмѣстѣ съ Бактріей и Согдіаной одною изъ древнѣйшихъ цивилизацій Средней Азіи.

* * *

Въ заключеніе считаю долгомъ выразить благодарность Московскому Императорскому Обществу Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи, которое дало мнѣ возможность подъ его покровительствомъ совершить поѣздку въ Среднюю Азію.

II.

1. Вышивки.

Настоящее собраніе орнаментовъ состоитъ изъ двухъ частей: изъ шелковыхъ вышивокъ на бумажной ткани (таблицы № I—IX) и изъ узорчатыхъ шерстяныхъ вязаныхъ горныхъ чулокъ (табл. № X—XIX).

Шелковыя вышивки украшаютъ, главнымъ образомъ, предметы женскаго обихода: лицевыя занавѣски, вороты, рукава, наплечья, груди женскихъ и дѣвичьихъ рубахъ, головныя и шейныя ленты и, наконецъ, полотенца и платки. Всѣ вышивки исполнены шелкомъ слѣдующихъ цвѣтовъ: краснаго, малиноваго, синяго, бирюзоваго, зеленаго, желтаго, оранжеваго, фіолетоваго и изрѣдка чернаго. Наибольшій интересъ среди вышивокъ представляютъ лицевыя занавѣски, украшенныя узоромъ изъ стилизованныхъ птицъ. Основной мотивъ этого орнамента изображаетъ двухъ противостоящихъ птицъ съ деревомъ между ними. По замыслу это одинъ изъ самыхъ древнихъ и распространенныхъ орнаментовъ Азіи. Онъ уже изображался въ Ассиріи¹⁾, часто повторялся въ Персіи и Индіи и, наконецъ, съ Востока проникъ къ намъ въ Россію. Стилизація этого главнаго мотива, какъ и остальнаго птичьяго орнамента, болѣе всего подходитъ къ подобнымъ же изображеніямъ на русскихъ вышивкахъ²⁾. Орнаментъ же, заполняющій среднюю часть занавѣсокъ, встрѣчается очень часто на восточныхъ коврахъ и матеріяхъ самаго разнообразнаго происхожденія.

Занавѣски бываютъ разныхъ размѣровъ: самая большая (табл. № I) имѣетъ въ длину 76 сантиметровъ, въ ширину 69 сант., самая маленькая изъ селенія Арганкунъ (табл. № III)—въ длину 53 сант., въ ширину 49½ сант. На таджикскомъ нарѣчій лицевыя занавѣски называются „чаш-бан“ или „руі-бан“; эти слова составлены: первое изъ „чашм“—глаза и „банд“—покровъ, второе составлено изъ „ру“—лицо и „банд“—покровъ.

¹⁾ Смотри рисунокъ стр. 566 „Histoire de l'art dans l'Antiquité“, t. II. „Chaldée et l'Assyrie“, par. G. Perrot et S. Chipiez.

²⁾ Сравни русскіе узоры по табл. „Русскій народный орнаментъ“ В. Стасова.

Во время нашей поѣздки мы приобрѣтали всѣ доставляемыя намъ занавѣски и все же, въ концѣ концовъ, набрали ихъ только 14 штукъ. Это объясняется тѣмъ, что, въ противоположность остальнымъ вышивкамъ и чулкамъ, повсемѣстно встрѣчаемымъ въ Дарвазѣ, занавѣски имѣли, какъ кажется, всегда ограниченное распространение. Мы ихъ находили только въ нѣкоторыхъ кишлакахъ и притомъ по нѣскольку штукъ вмѣстѣ, въ рукахъ одной или двухъ самыхъ зажиточныхъ семей въ данной мѣстности. Разспрашивая туземцевъ, мы собрали слѣдующія свѣдѣнія о лицевыхъ занавѣскахъ. Никогда въ Дарвазѣ занавѣски въ общемъ употребленіи не были; онѣ были достояніемъ женщинъ изъ болѣе зажиточныхъ семей; встарину носились болѣе, чѣмъ теперь, когда ихъ употребляютъ только въ исключительно торжественныхъ случаяхъ; онѣ цѣнятся горцами какъ старыя семейныя вещи, бережно передаваемыя по наслѣдству; до сего времени иногда вышиваютъ подобныя же занавѣски по старымъ образцамъ.

Во время нашей поѣздки мы сами убѣдились, что въ Дарвазѣ женщины не только подобныя, но никакихъ покрывалъ на лицѣ не носятъ. При встрѣчѣ съ европейцемъ женщины прикрываютъ лицо краемъ большого темнаго головного платка, концы котораго свѣшиваются по спинѣ почти до самыхъ пятъ. Вообще въ Туркестанѣ намъ не приходилось встрѣчать въ употребленіи подобныя занавѣсокъ: въ настоящее время самый распространенный въ Средней Азіи типъ покрывала, какъ извѣстно, представляетъ изъ себя грубую черную сѣтку изъ конскаго волоса, безъ всякихъ украшеній.

2. Чулки.

Чулки, называемыя по-таджикски „джуроб“ или „патак“, хотя и приобрѣтались, также какъ и вышивки, исключительно въ Дарвазѣ, но не всѣ мѣстнаго происхожденія. Повидимому, производство чулокъ широко распространено въ горахъ на югъ и на юго-востокъ отъ Дарваза: въ Шугнанѣ, Бадакшанѣ и Читралѣ¹⁾. Намъ даже кажется, что производство чулокъ въ Дарвазѣ было занесено изъ послѣднихъ двухъ странъ. Лучшіе экземпляры (по разнообразію и отчетливости орнамента, по хорошему, плотному вязанію и по качеству шерсти) мы находили въ юго-восточной части Дарваза, по долинѣ рѣки Ванча, т.-е. по сосѣдству съ переправой черезъ Пянджъ, соединяющей Сѣверный Дарвазъ съ Южнымъ и съ горными тропами, ведущими въ Бадакшанъ и Шугнанъ. Чѣмъ дальше же на сѣверъ Дарваза, тѣмъ хуже чулки и однообразнѣе орнаментъ. Въ горахъ, на сѣверъ отъ Дарваза, въ Каратегинѣ и Зеравшанскихъ горахъ, чулокъ не вяжутъ, и если иногда (чаще въ Каратегинѣ)

¹⁾ О цвѣтныхъ чулкахъ въ Читралѣ, 61 стр. „The making of a frontier“, by col. A. Durand., publ. by Murray, 1899.

встрѣчались горцы въ чулкахъ, то непременно дарвазской работы. Обыкновенно же горцы тѣхъ мѣстъ носятъ на ногахъ нѣчто похожее на наши портянки.

Туземцы Дарваза, продавая намъ чулки, всегда объясняли, гдѣ они связаны, причемъ, помимо чулокъ мѣстной работы, оказывались чулки изъ Шугнана или Бадакшана; чулки же, которые они болѣе всего цѣнили, называли сдѣланными по образцу читральскихъ. Присутствіе въ Дарвазѣ чулокъ различнаго происхожденія объясняется сохранившимся въ горахъ обычаемъ мѣновой торговли.

Всѣ горцы носятъ чулки зимою и лѣтомъ, надѣвая по двѣ, по три пары одну на другую; на чулки надѣваются горные сапоги (мукки) изъ мягкой кожи, видомъ очень напоминающіе „бахилы“ нашихъ крестьянъ; мукки доходятъ до половины икръ и у щиколотокъ обвязываются шерстяною вязаною тесьмой, рѣже — кожанымъ ремнемъ. Въ верхнемъ краѣ чулка пропущенъ обыкновенно шнуръ, составленный изъ нѣсколькихъ шерстяныхъ крученыхъ нитокъ, который горцы затягиваютъ чаще всего подъ колѣномъ, иногда выше, смотря по длинѣ чулка. Самые длинные шугнанскіе чулки имѣютъ 86½ сант., самые короткіе, съ низовьевъ Хингоба, — 58 сант.; въ ширину какъ тѣ, такъ и другіе имѣютъ около 19 сант.

По всему Востоку распространены шерстяные узорчатые носки, но они сильно различаются отъ горныхъ чулокъ какъ по размѣрамъ, такъ и по рисунку (болѣе современный), и поэтому ихъ не слѣдуетъ смѣшивать съ горными чулками настоящей коллекціи, составляющими характерное произведеніе горцевъ нагорной Бухары и Сѣверо-западной Индіи.

Въ заключеніе слѣдуетъ замѣтить, что хотя узоръ, украшающій чулки, составленъ изъ орнамента, отдѣльныя части котораго встрѣчаются на восточныхъ издѣліяхъ по времени крайне различныхъ и всевозможнаго происхожденія (на коврахъ и матеріяхъ Кашгара, Кашмира, Индіи, Авганистана, Персіи и Туркестана), мы все же въ правѣ сказать, что этотъ узоръ, благодаря своеобразному сочетанію этихъ отдѣльных частей и оригинальному виду украшеннаго имъ предмета, имѣетъ свой особый отпечатокъ, свой собственный стиль, стиль горныхъ таджиковъ.

1.

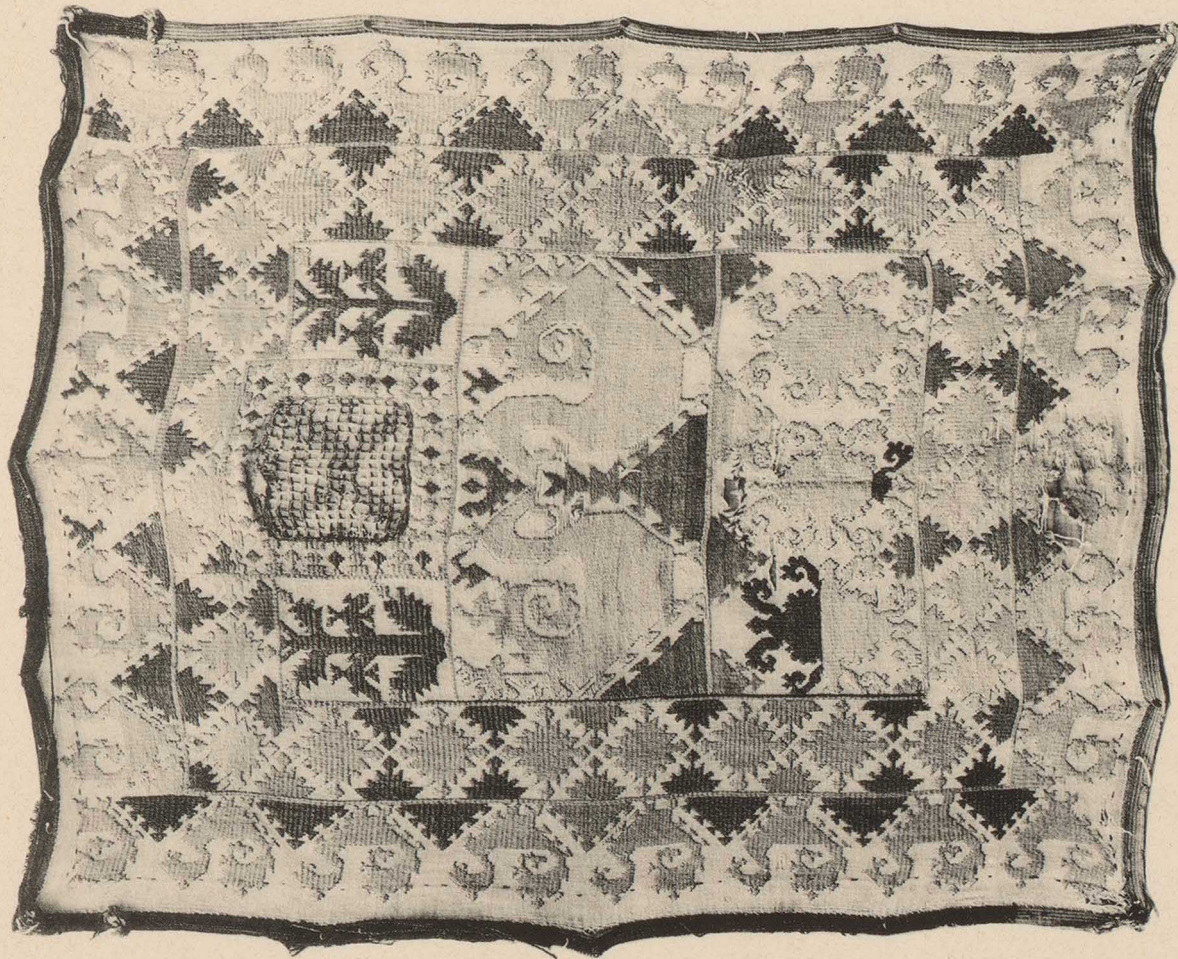
ДАРВАЗСКІЯ ВЪШИВКИ.

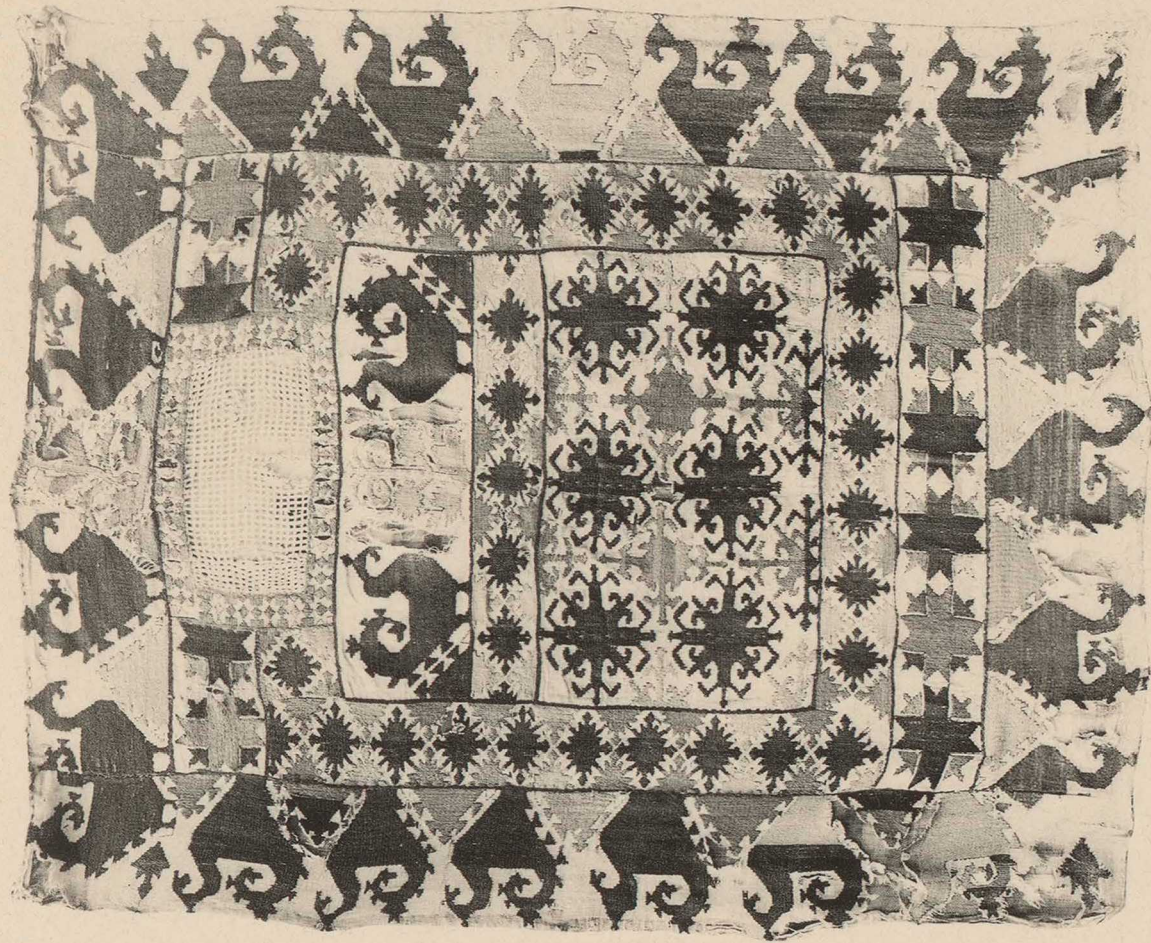
Хромофототипія П. П. Павлова.

ЛИЦЕВАЯ ЗАНАВѢСКА.

Селеніе Кевронъ на Панджеѣ.

Селеніе Тальваръ на Яхсу.

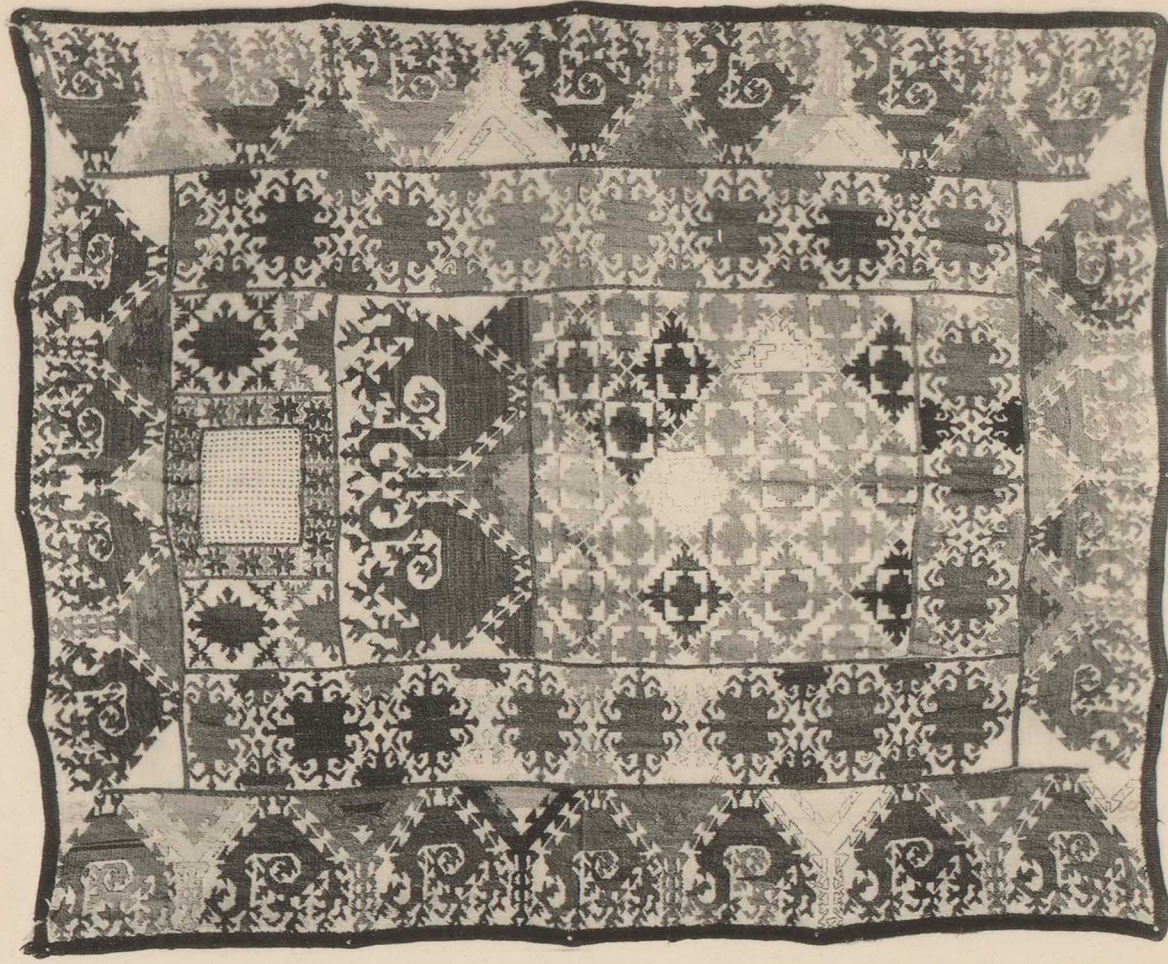
Фототипія П. П. Павлова.

ЛИЦЕВЫЯ ЗАНАВѢСКИ.

Селеніе Арганзунъ на Хингобъ.

Селеніе Арганкунгъ на Хингобѣ.

Фотомлія П. П. Павлова

Селеніе Иштіонгъ на Хингобѣ.

ЛИЦЕВЫЯ ЗАНАВѢСКИ.

Хромофототипія П. П. Павлова.

ЛИЦЕВАЯ ЗАНАВѢСКА.
Селеніе Арганжунъ на Хингобѣ.

ОРНАМЕНТЪ ГОРНЫХЪ ТАДЖИКОВЪ ДАРВАЗА.

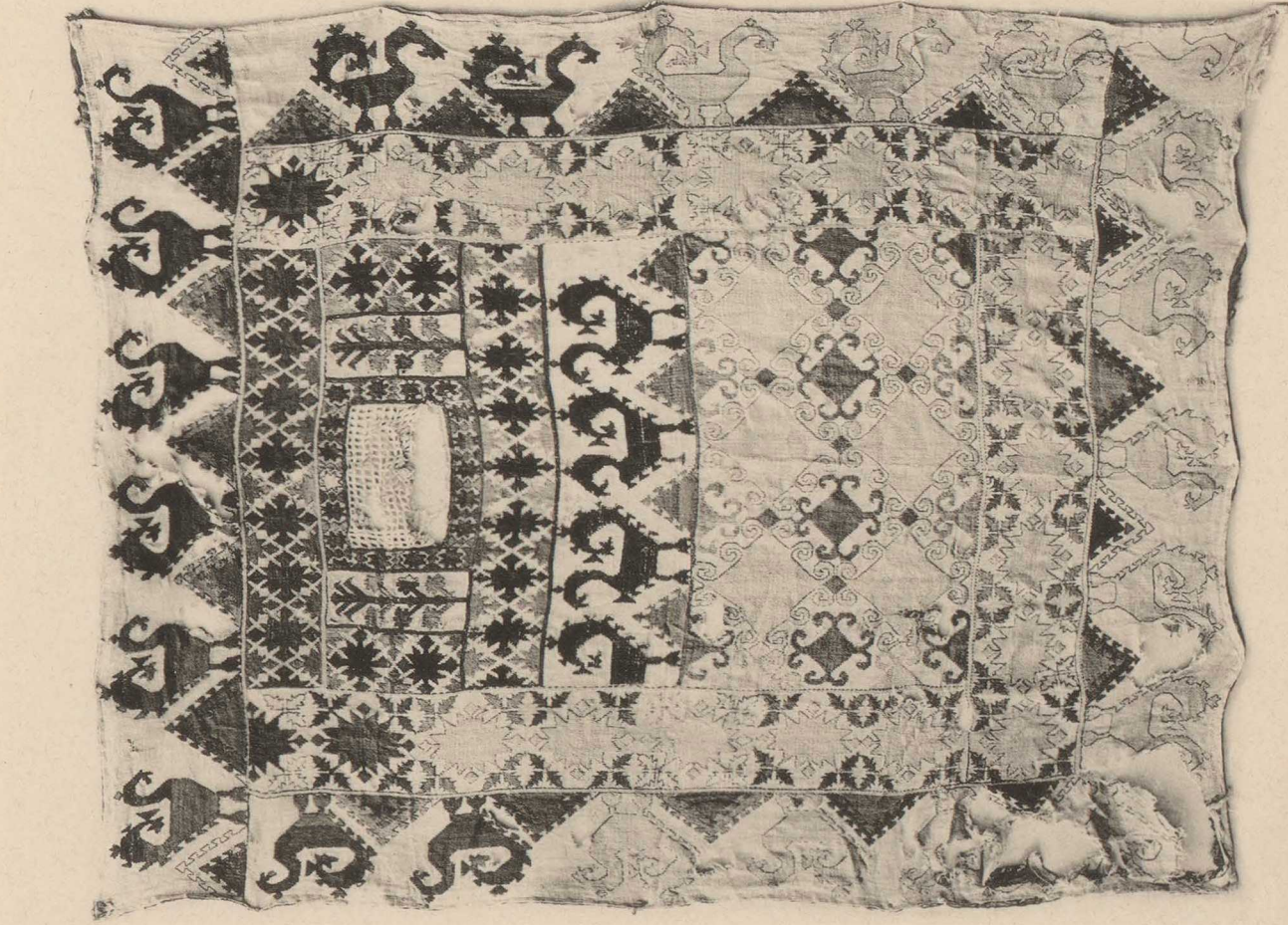
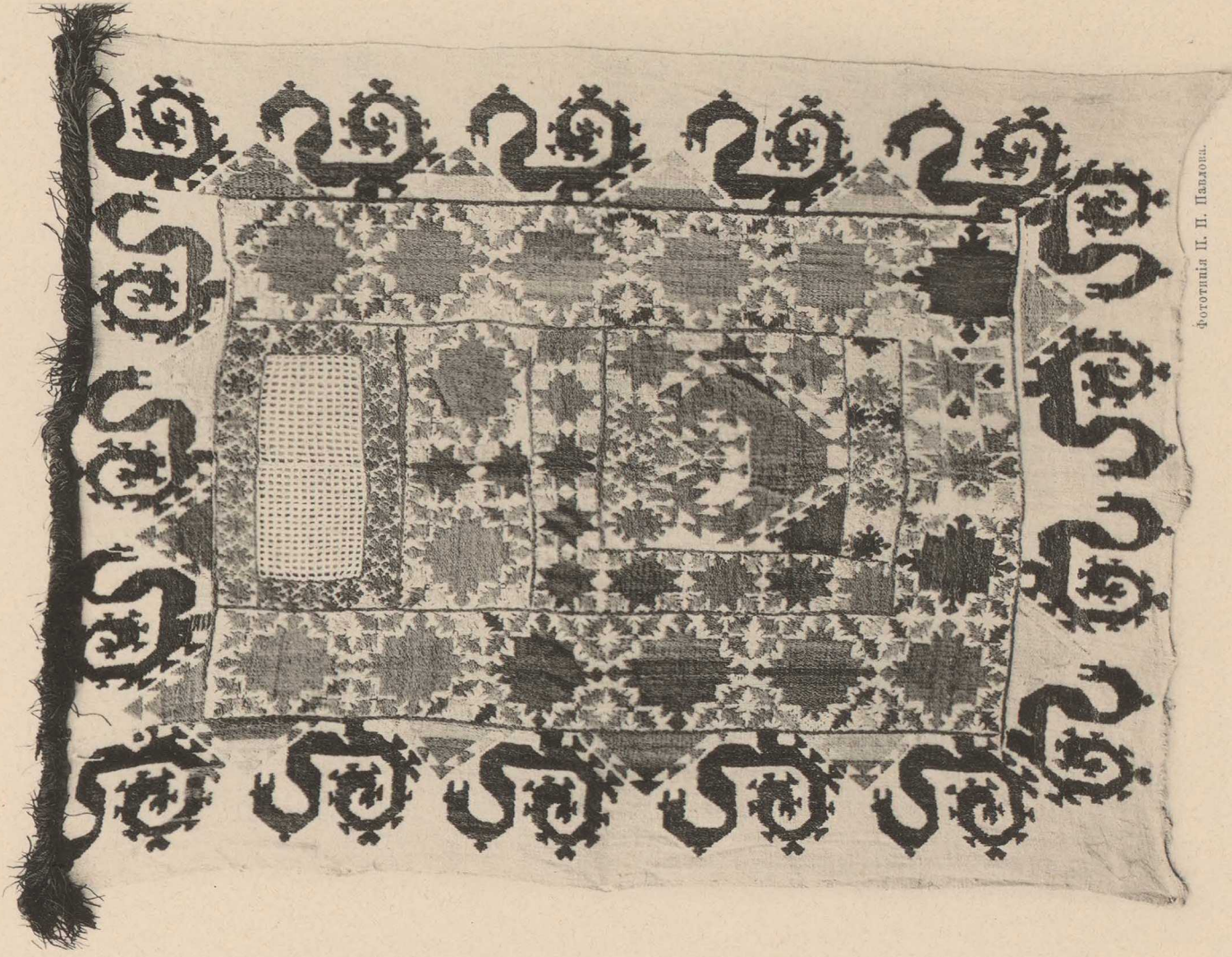

Таблица V.

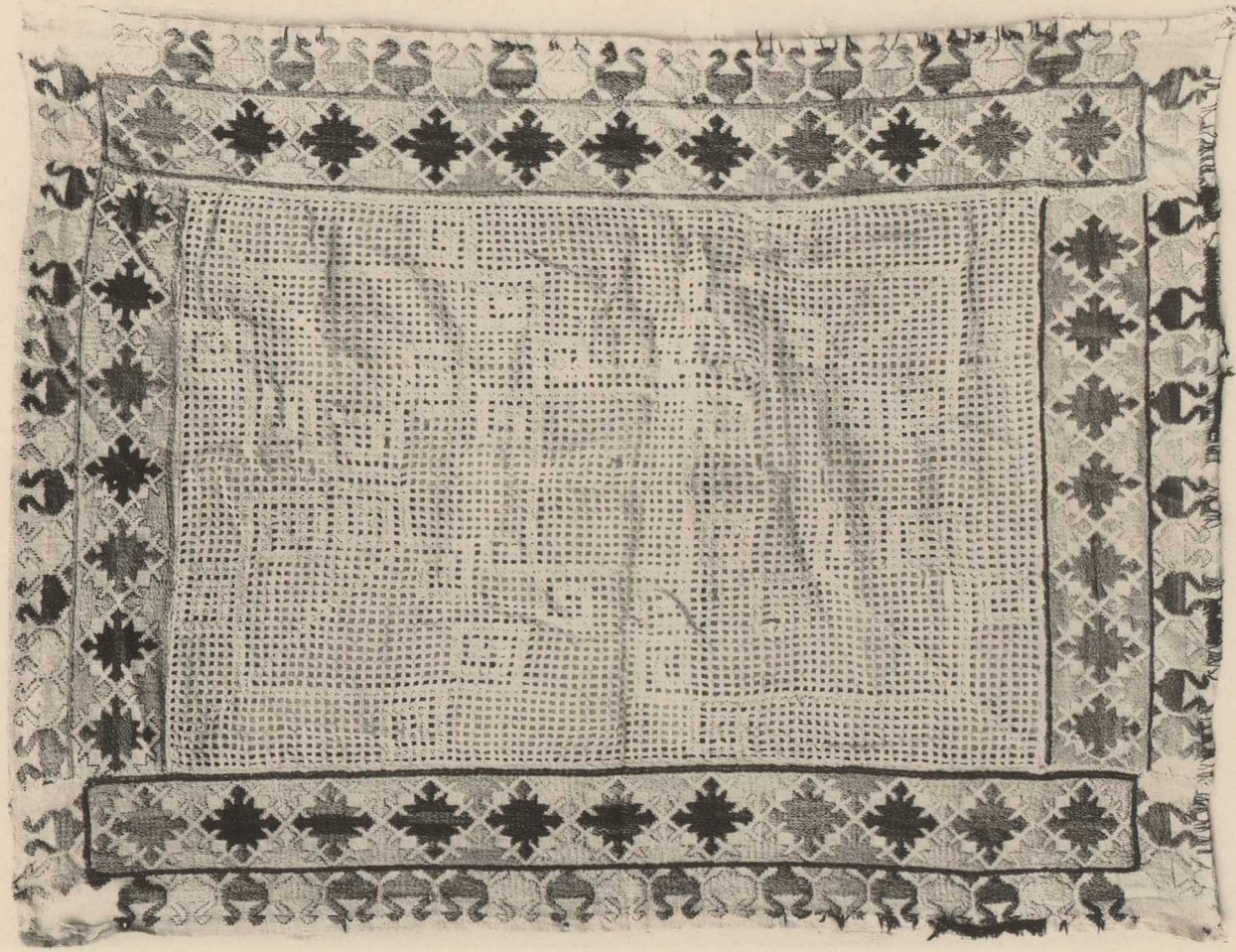

Фотопія П. П. Павлова.

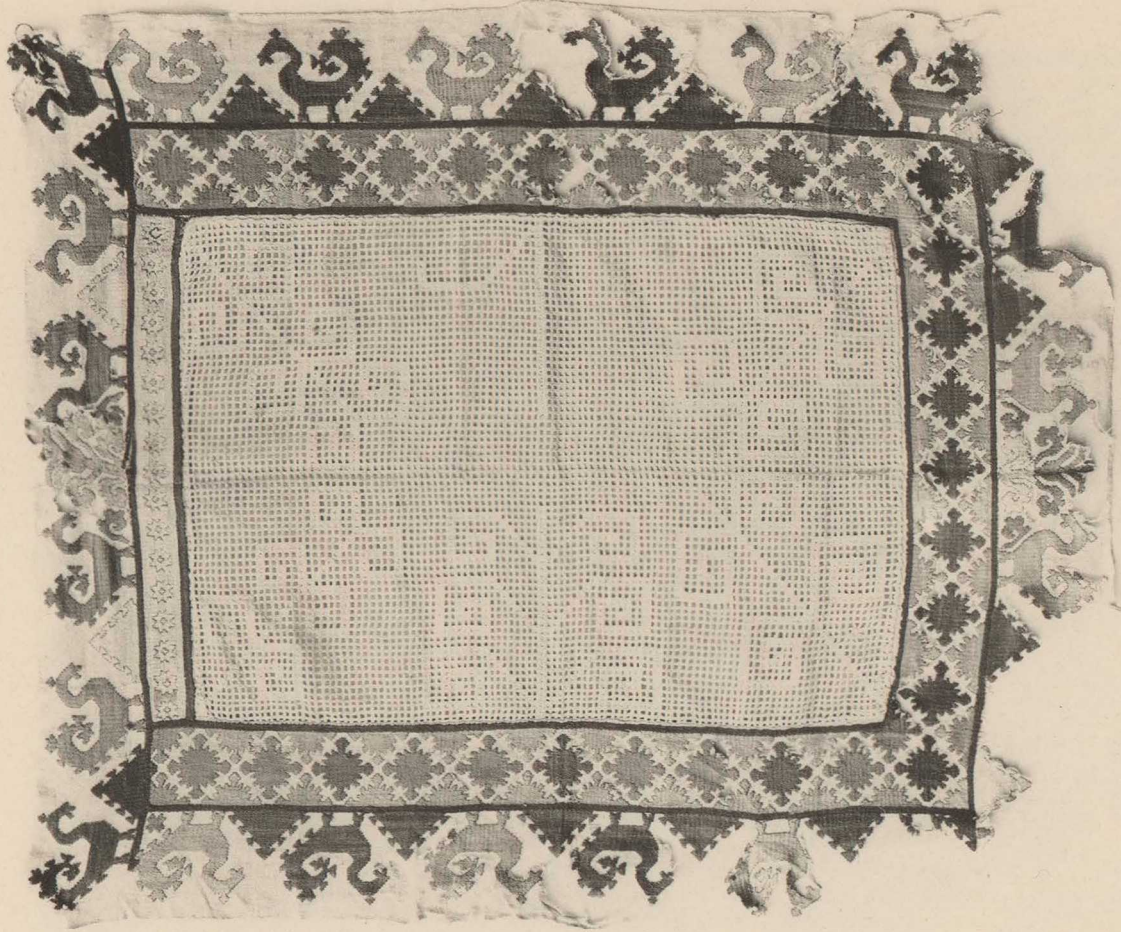
ЛИЦЕВЫЯ ЗАНАВѢСКИ.

Селеніе Калай-Рохаръ на Ванчѣ.

Селеніе Калай-Лоджуръ на Хингобѣ.

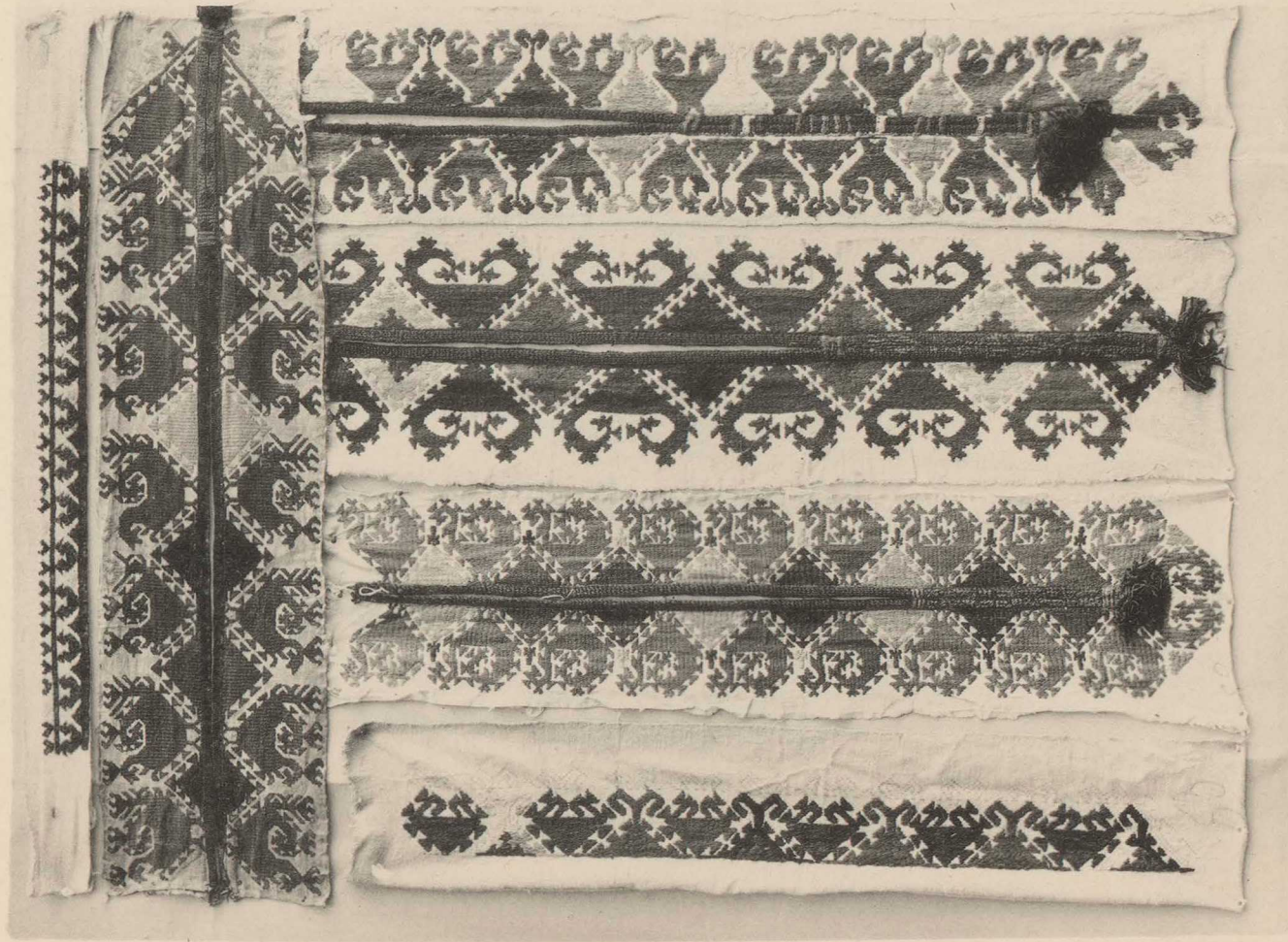
Семеніе Юлай-Лоджуръ на Хингобѣ.

Фототипія П. П. Павлова.

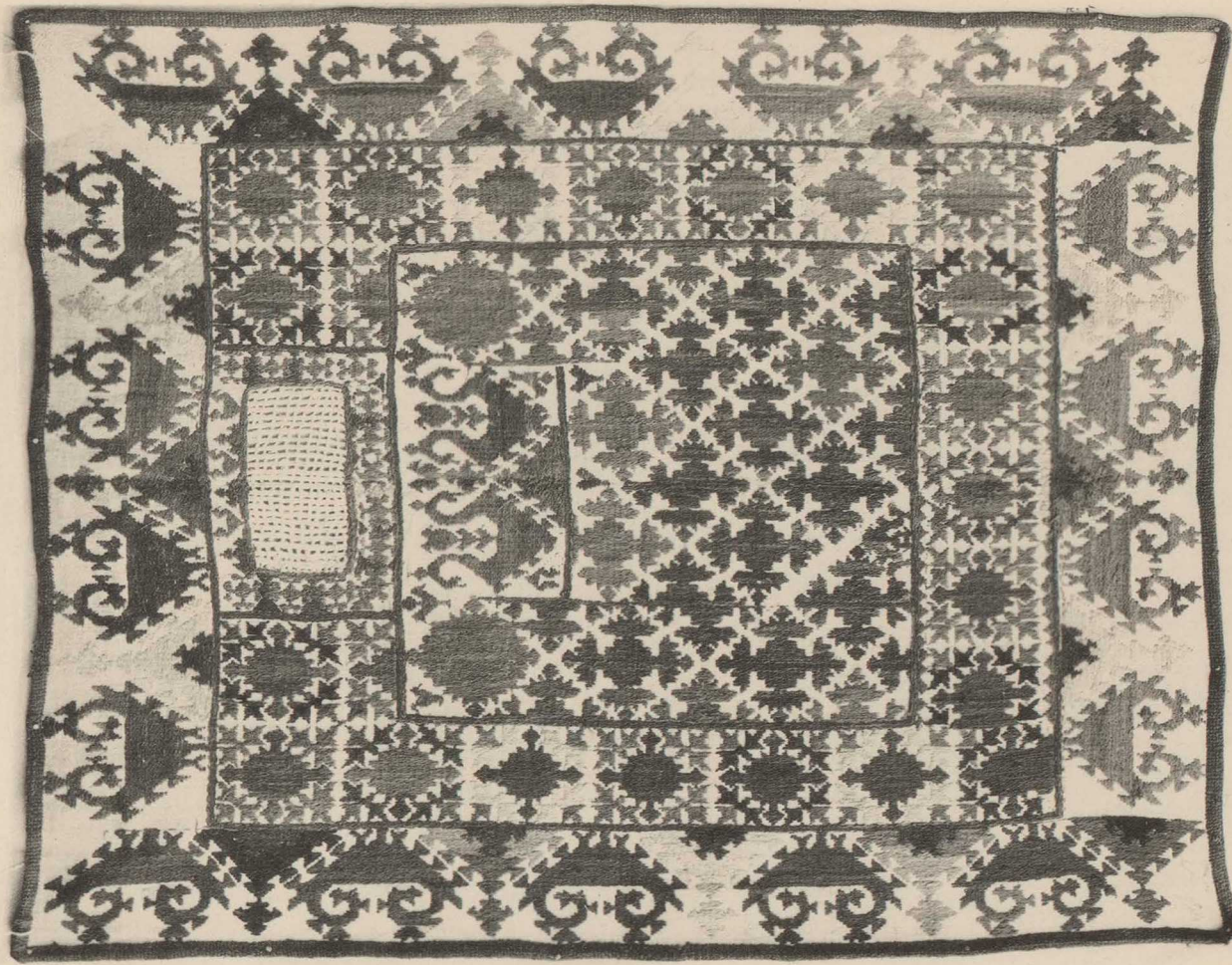
Семеніе Рога на Хингобѣ.

ЛИЦЕВЫЯ ЗАНАВѢСКИ.

ШИТЬЕ НА ЖЕНСКИХЪ РУБАХАХЪ

Долины рѣкъ Хингоба и Пинджа.

Фотоглія П. Павлова.

ЛИЦЕВАЯ ЗАНАВѢСКА.

Селеніе Таби-дара на Хингобѣ.

Хромофотогипія И. П. Павлова.

ЛИЦЕВАЯ ЗАНАВѢСКА.

Селеніе Джорѣъ на Пянджеѣ.

2.

ДАРВАЗСКІЕ ГОРНЫЕ ЧУЛКИ.

Фототипія П. Давлова.

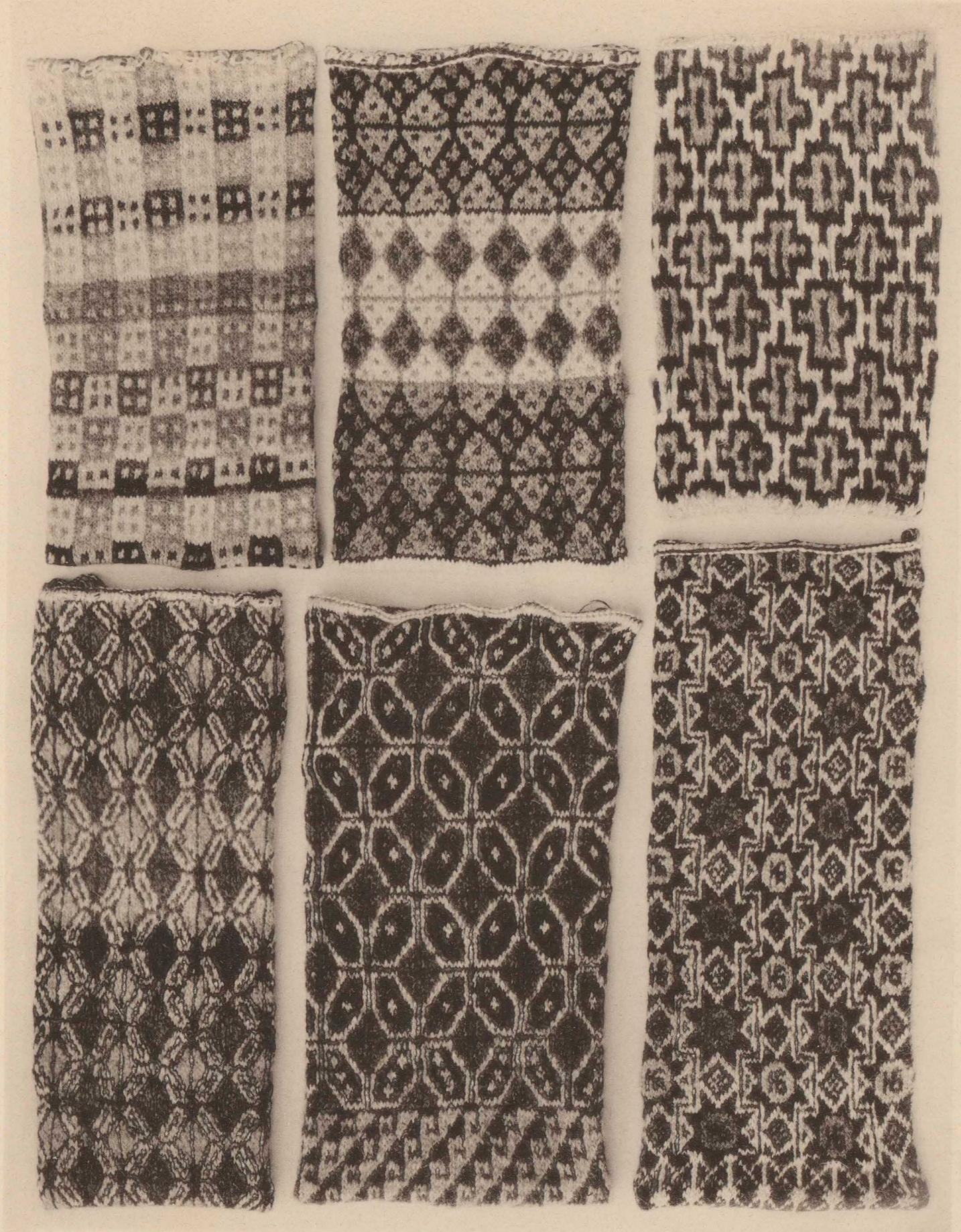
В Ы Ш И В Ъ И.

Различныя части женскаго костюма.

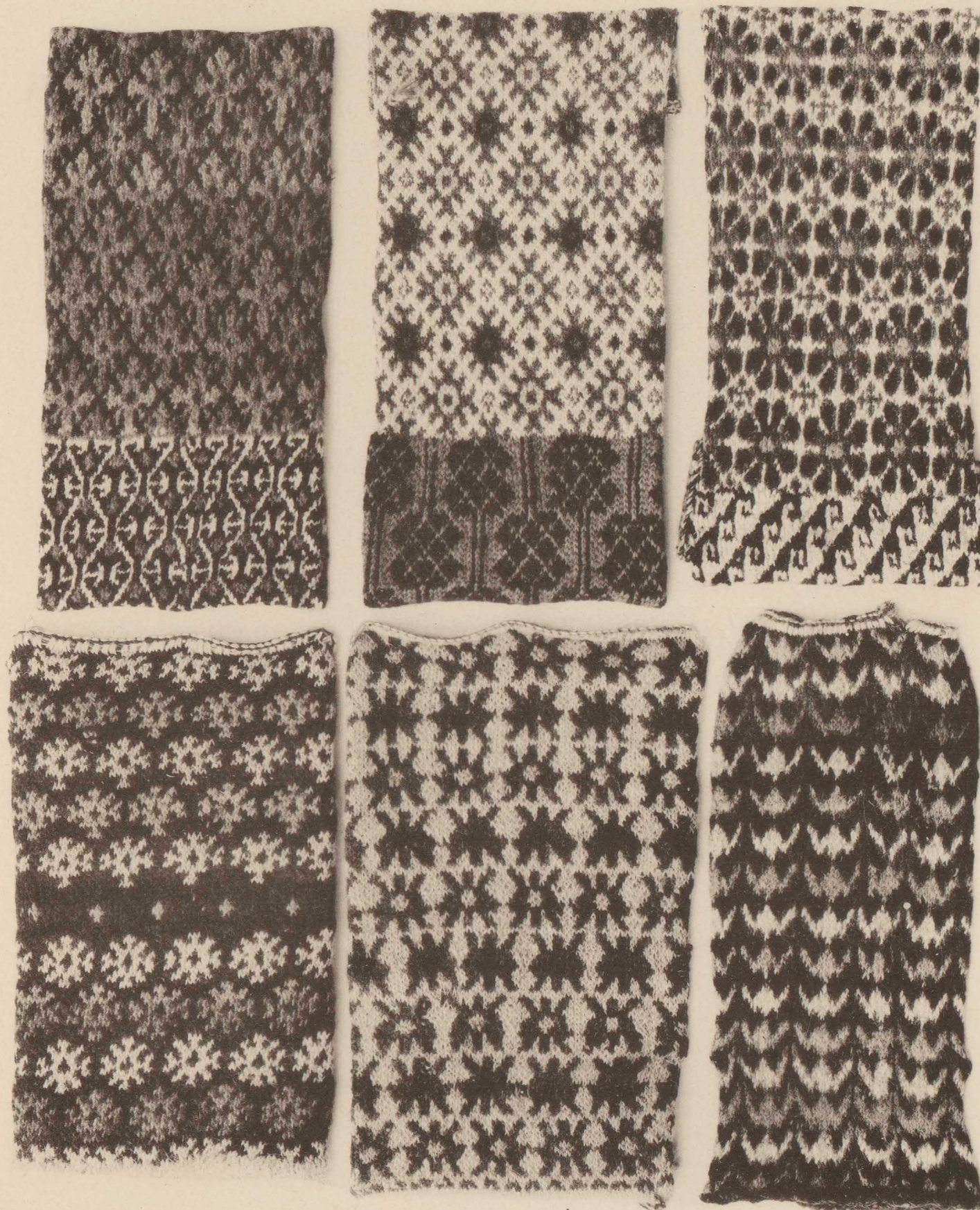
Долины рѣкъ Хингоба, Ванча, Пянджа и верхняго теченія Яхсу.

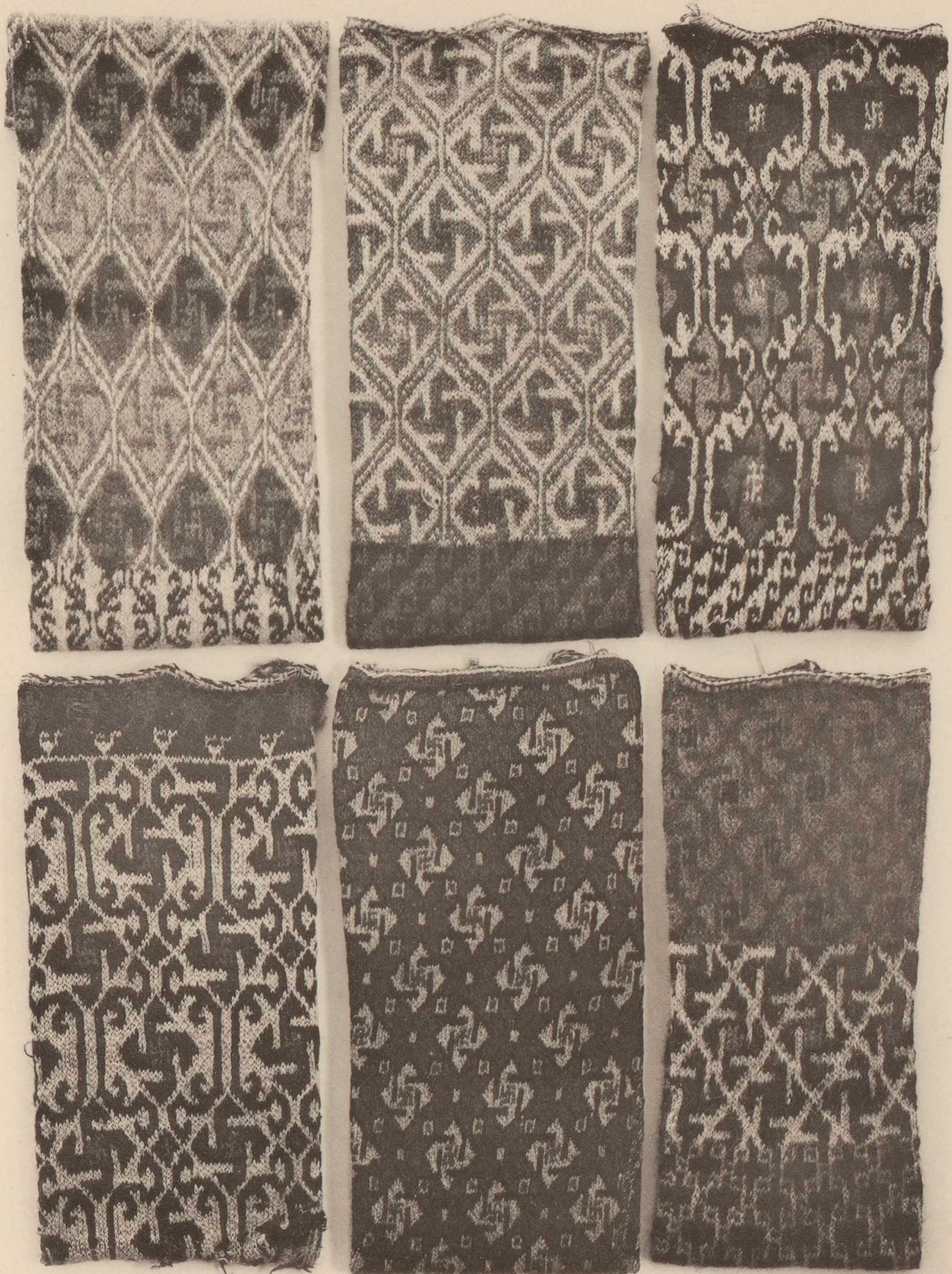
Хромофотогипія П. П. Павлова

Фототипія П. П. Павлова.

Фотогнія П. П. Павлова.

Фотогипія П. П. Павлова.

Фотогипя П. П. Павлова.

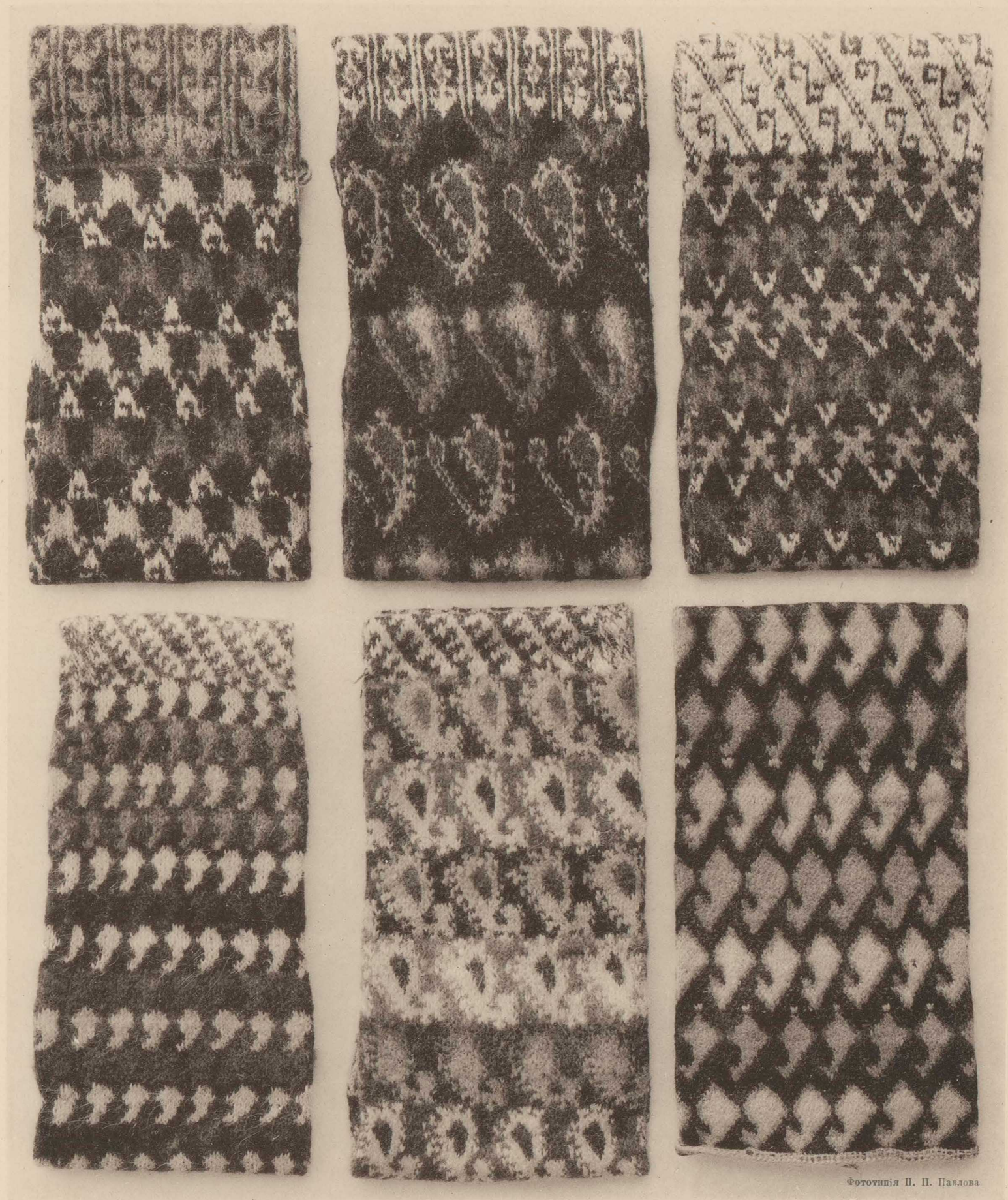
Хромофотогнция П. П. Павлова.

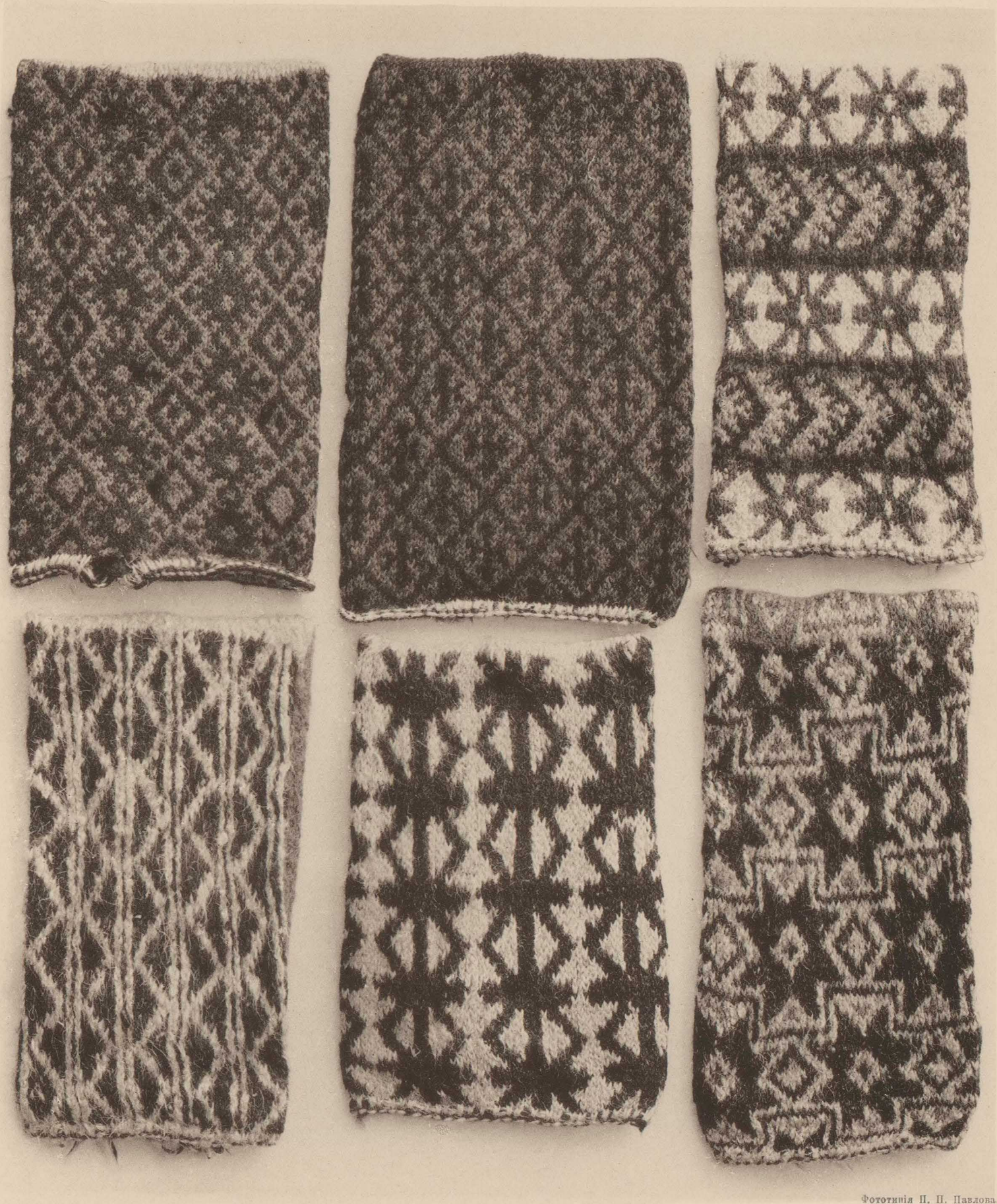
Фотогипс П. П. Павлова.

Фототипія П. П. Павлова.

Фотогипія П. П. Павлова.

Фототипія П. П. Павлова.

Фотонія П. П. Казлова.

КАТАГАНСКІЙ ГИЛЯМЪ (селеніе Порхаръ на Аму-Дарь).